

5. ЖИЗНЕННЫЕ РЕСУРСЫ: ФИЗИЧЕСКИЕ, ДУХОВНЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ

После школы-интерната – самостоятельная жизнь. У большинства она начинается в 14 лет с момента поступления в ПТУ. Начинается строительство жизни на том фундаменте, который заложили в интернате.

Дети-сироты – проблемная группа и не только в психологическом плане, лишённые эмпатийного общения в семье, с близкими людьми, перенёвшие жестокое обращение. Это то, что можно считать частью начального капитала, сопровождающего стартовые позиции. Как правило, начальный потенциал дают семья, родители: социальный статус, воспитание, здоровье, образование и многое другое, что не всегда можно измерить, описать, а иногда даже уловить, например, психологические характеристики (характер, сила воли).

5.1. Здоровье детей-сирот

Потенциал здоровья детей во многом определяется уровнем здоровья родителей. Чаще всего, родители отказных детей вели асоциальный образ жизни, пьянствовали, проживали в антисанитарных условиях, нередко перенесли социально значимые заболевания (в том числе, заражали детей): венерические, туберкулёз.

По данным Республики Татарстан, 46% от общего числа воспитанников находятся на диспансерном учете [69]. Дети трёх домов ребёнка Республики Татарстан отстают в развитии от своих сверстников (табл. 4) [70].

Таблица 4

Данные профосмотров детей домов ребёнка, %

Возраст детей	Расстрой-ства пита-ния	Ане-мия	Отставание в разви-тии		Всего % / N
			физиче-ское	психи-ческое	
До 12 мес.	21	20	27	31	100/81
1 – 3 года	27	2	33	38	100/252
3 г. и более	31	7	31	31	100/108

Алексей Иванович Головань, директор центра "Соучастие в судьбе": "...большинство выпускников, состоящих у нас на учёте, имеют хронические заболевания и такие же хронические заболевания имеют их дети".

Рождение ребёнка у родителей, которых впоследствии лишили родительских прав, не планировалось или было нежеланно. Низкий уровень жизни нередко безработных супругов подразумевает неадекватное питание беременной женщины. Часто по решению суда лишались родительских прав многодетные женщины, родившие детей с маленьким интервалом рождения (табл. 5), использовавшие токсическую контрацепцию. Всё это сказалось на низком уровне здоровья будущих сирот уже при рождении. Если от ребёнка отказывается "брошенная" женщина, перенёвшая стресс во время беременности, это также неблагоприятно отражается на его психическом и физическом здоровье.

Таблица 5

Интервал рождения детей у женщин, чьи дети стали сиротами*
(по результатам анализа личных дел сирот, состоящих на учёте
в правозащитном фонде г. Казани)

Интервал рож-дения	1 и 2 ребё-нок	2 и 3 ребё-нок	3 и 4 ребё-нок	4 и 5 ребё-нок	5 и 6 ребё-нок	6 и 7 ребё-нок
Год и меньше	20.0%	38.5%	70.0%	66.7%	100.0%	20.0%
От 1 до 2-х лет	15.0%	23.1%	20.0%	33.3%		

* Безусловно, эти данные могут являться статистикой только для отдельно взятого фонда, хотя достаточно показательны.

Среди основных причин, влияющих на внутриутробное развитие, специалисты называют: отсутствие социальной поддержки, многодетность, отсутствие медицинского наблюдения во время беременности. До 35% отказных детей рождаются недоношенными⁴⁰. Недаром такие дети оказываются более частыми пациентами отделений интенсивной терапии и реанимации сразу после рождения. Дети, оторванные от матери в возрасте до 2-х, 3-х лет, впоследствии имеют психологические и интеллектуальные нарушения, не подлежащие реабилитации. Ранняя психологическая депривация сказывается и на общем соматическом здоровье ребёнка [12].

Среди детей-сирот большая доля детей с отклонениями в умственном и физическом развитии.

Родители-воспитатели приёмных семей рассказывали, каких детей они принимали из детских домов: язвы на теле, вши, чесотка. Несмотря на дезинфекцию, болезни возобновлялись по несколько раз.

В детские государственные учреждения дети с улицы попадают с ещё более серьёзными проблемами: венерические болезни, туберкулёз.

Директора больших детских домов также признавались в том, что без конца приходится бороться с педикулёзом и другими социальными болезнями. А также с тем наследством, которое доставалось детям от родителей. Ситуация усугубляется тем, что на средства гигиены, как и на многое другое, не хватает денег: на зубные щётки, зубную пасту, мыло! Некоторые респонденты вспоминают: "Мылись мы часто. Один раз в неделю", а с другой стороны: "Ну не было там игрушек... Было такое, что лазили по городским свалкам, помойкам. Находили значки, какие-то игрушки. И тащили всё это. От чего мы и страдали все. Эпидемии были. Либо у нас чесотка была, либо вши были. Гигиенические заболевания. Конечно, санэпидстанцию вызывали, налысо нас стригли, обработке подвергали. Мы, несмотря на это, занимались своим делом".

Детским учреждениям приходится решать серьёзные проблемы со здоровьем практически каждого воспитанника: обращаться за помощью к различным специалистам, добиваться, чтобы ребёнка приняли в специализированных центрах, иногда в других регионах. Поэтому к путешествиям по детским учреждениям нередко добавляются путешествия по медицинским учреждениям, и ребёнок много раз меняет территорию и окружение, постоянно находясь в процессе адаптации и привыкания.

Результаты самооценки состояния здоровья детей-сирот в сравнении с данными РМЭЗ приведены в таблице 6. Можно сказать, что детям-сиротам свойственны более крайние и неадекватные оценки состояния здоровья, это касается в большей степени высоких оценок.

Таблица 6

Самооценка здоровья

Самооценка здоровья	Пол	Дети-сироты	Данные РМЭЗ* [71]
Отличное (Очень хорошее – для РМЭЗ)	Муж.	15.9	4.5
	Жен.	12.0	2.1
Хорошее	Муж.	51.0	58.1
	Жен.	46.7	52.1
Удовлетворительное (Среднее – для РМЭЗ)	Муж.	27.4	35.1
	Жен.	30.5	42.5
Плохое	Муж.	3.2	2.1
	Жен.	9.0	2.9
Очень плохое	Муж.	2.5	0.3
	Жен.	1.8	0.3

* Для возрастной группы 11-18 лет.

Ответили, что не болели в течение года 31.2% детей, 34.4% болели неделю, 19.0% — болели от 8 до 14 дней и 15.4% болели более двух недель. Самооценка здоровья имеет положительную корреляцию с наличием заболевания в течение года, но не связана с его продолжительностью.

Анна, 28 лет (Казань): "...в больнице лежала. Я же родилась, у меня же врожденный, как говорится, порок. Уши. Гнойный отит был. Мать меня родила же, у меня здесь постоянно воспалялось. Я вот в больнице лежала в детском доме. Вот всю жизнь вот так лежала. Я то и дело не училась, в больнице лежала. Не моя же вина была – матери. Сейчас я нормально слышу. У меня все прошло уже. Там же у хорошего доктора я лечилась".

Анна никогда не знала свою мать, но уверенно рассуждает о том, что болезни ей достались именно от мамы. Здесь же оправдание и тому, что не училась.

В биографиях, иллюстрирующих восходящую социальную мобильность, здоровье отмечалось как один из ресурсов устойчивости респондента к различного рода жизненным трудностям. Но респонденты не могли определить роль в укреплении здоровья государственных учреждений: с одной стороны, говорилось о том, что, конечно, лечили, но, с другой стороны, что провоцировали и не долечивали болезни.

Сергей, 30 лет (Казань): "У меня крепкое здоровье и оно мне в жизни помогло, конечно. Потому что в интернате этому уделяют большое внимание. Там проверяют. Там, конечно, можно легче заразиться, заболеть.

⁴⁰ Подробнее см.: Раннее социальное сиротство (медико-социально-психологические проблемы). Учебно-методическое пособие. М., 1994. С. 85-87, 100-122.

Но больше шансов не заболеть. Вши – это было нормальное состояние. Конечно, корь. Пользу интернат не оказывал по укреплению здоровья. Просто там следили, так же как и дома следили. Мы за своим ребёнком следим. Как заболит, тут же в больницу ведём. Там точно такая же система. Просто там нет индивидуального подхода. Тут к ребёнку индивидуально подходим, за него переживаешь, болеешь. А там такого нет. В интернате свой врач есть. Если в интернате у ребёнка зуб болит, то его просто выдернут. Но до конца не лечат. После интерната всё выявляется и сказывается. Каждый должен быть хозяином своего здоровья. Если ты спился, если спортом не занимаешься, если запустил себя. Если ты даже не болеешь, то заболеешь. Это, конечно, для взрослого возраста. А в детском – нет. Но чтобы кто-то у нас умер, такого не было. Если бы это случилось, то было бы ЧП N1. Если у ребёнка выявят какую-то патологию, то его тут же стараются оградить и отдать в другой интернат. У нас же много интернатов: и для дураков, и для умственно отсталых, и по зрению".

У респондента сложилось мнение, что больного человека, в том числе инвалида, незаразного надо ограждать от других детей. И для каждой категории должно быть своё место пребывания: для сирот, для инвалидов – все должны жить отдельно. Так установило государство и так приучило наше общество, хотя появляются ростки новых установок, что необязательно разделять людей по категориям, все могут жить вместе, в том числе в детских домах и в семьях.

Напротив, в тех детских домах, где, например, здоровый брат неразлучен с сестрой-инвалидом, именно это и воспринимается как правильное.

Практически в каждом рассказе выпускников школ-интернатов были воспоминания о болезни, изоляторах, больницах (в том числе и психиатрических) и врачах.

Респонденты старших поколений, в том числе и дети войны, чаще говорили о том, что здоровье теряли от голода в предвоенное, военное и послевоенное время, но не в детском доме, а до тех пор, пока туда не попали. А в детском доме, наоборот, восстановили.

Болезни, в рассказах респондентов — сирот, интересным образом градируются и становились своеобразным индикатором отношений к больному ребёнку. Например, были такие болезни, воспоминания о которых, несмотря на прошлую боль и сложность, носили позитивный характер и описывались терминами: заботились, были внимательны, жалели. Некоторых детей увозили в больницы, с которыми были связаны более приятные воспоминания, чем с детским домом. Но были и такие болезни, которые провоцировали издевательства со стороны нянечек и воспитателей. Прежде всего, расстройство мочевого пузыря. В качестве лечения было много различных наказаний, просто "know how" отдельно взятого детского дома. Например, заставляли спать на голых сетках, накрывшись мокрыми матрасами или простынями.

Показателен рассказ одного из респондентов: "Допустим, кто-то обсикается ночью. И утром няньки делали примерно следующее: брали мокрую простыню и завязывали эту простыню на голове. Понимаете? Всё лицо и он ходил с этой простыней. Не знаю много или мало, но он ходил, в общем, перед всеми. Или стоял. И при этом ещё били сеткой. (Вопрос: *Пришлось через это пройти?*) Ну, в общем, знаете. Не то, что это было неприятно. Там были все свои. Что там скрывать. Они все это знают. Я терпел. Ну что я сделаю? Ну не могу. А там кто тебя слушает? Если тебя бьют, значит, ты должен молчать и терпеть, вообще не должен кричать. Ну, мог там немножко поплакать. Но с детства там, всё это настолько впиталось во мне. Эгоизм вселился. До сих пор. Если бьют, значит, надо терпеть. Значит, есть за что бьют. Не важно, прав ты или не прав. В общем, такие правила были. Нас к этому с детства приучили уже". И здесь и далее мы будем встречаться с безысходностью и даже убеждением, что если бьют, значит, есть за что, и это правильно.

Лечили детей от разных недугов и по разным поводам, иногда эти поводы невозможно ставить в один ряд, но практика воспитания в государственных учреждениях – ставила: наследственные болезни, травмы, побег, непослушание.

В литературе встречаются примеры того, что детей помещают в психиатрические больницы скорее не для прохождения курса лечения, а в качестве наказания. Наши респонденты рассказывали, что в психиатрические больницы их помещали после побега из детского дома. Однако свои побег они объясняли тем, что устали от однообразной обстановки. Например, один мальчик перестал бегать тогда, когда познакомился с семьёй, которая стала забирать его на выходные дни и на каникулы.

Устройство и практики системы сиротских учреждений подтверждают концепцию дисциплинарного общества Мишеля Фуко [72] для России. Детей изолируют и надзирают на нескольких уровнях: приют, собственно детское учреждение, а также больница, в том числе психиатрическая. Причём последняя используется именно как средство наказания за нарушение установленных правил.

Директор одной из школ-интернатов рассказывал, что настолько устал от одного парня-бегуна, все меры воспитания к нему применил – безрезультатно. Последнее, что решил попробовать, – напугать психиатрической больницей. Правда, в этом случае директор изобразил, что звонит по телефону в психиатрическую больницу и спрашивает разрешение приехать и провериться. История на этом и закончилась. Но и она показательна: в России до сих пор, возможно традиционно, психиатрические больницы считают не только лечебными, но и дисциплинарно-карательными учреждениями.

Детские дома не только принимают больных детей, лечат их, но и воспроизводят болезни сами. Взрослые респонденты, воспитанники детских домов чаще всего именно в государственных учреждениях видят причины хронических болезней и последствий различных травм.

Галина, 40 лет, Курская область: "Я была такая маленькая, худенькая, а у нас были девочки, которые под одним одеялом байковым, а кругом холодина, дует, ложишься спать – кровать холодная, а раздетые спали, не разрешали в одежде спать. Ну, сказали бы: "Дети, ложитесь одетые, холодно, в спортивных костюмах". Нет, чтоб в трусах и в майке лег. Так были такие, что заставляли лечь сначала в их постель погреть, вот там погреешь, потарандычишь, а потом в свою кровать пойдешь потарандычишь – вот вам хронический бронхит с астматическим компонентом. Это детдомовское наследие. И внимание какое там? Ну, закашлял ты и закашлял, кашляй дальше, температуры ведь нету. Если температура 39 – положат тебя в изолятор, полечат тебя немножко, температуру собьют и все. А нет температуры – гуляй дальше. Я могу пластом лежать, а температуры нет. Поэтому идешь на занятия, на уроки, спортивные кружки – и в итоге, – пожалуйста, осложнение. Я переболела воспалением среднего уха там же в детском доме и бронхит хронический заработала себе".

Масса примеров говорит о том, что воспитатели либо слепо следуют букве инструкции, не отвлекаясь на возможные побочные явления, либо получают удовольствие от проявления своей власти. В рассказах постоянно возникает идея того, что родители бы так не поступили. Воспитанники, которые сами стали родителями, постоянно сравнивают себя с воспитателями и подчёркивают, что навыки, заложенные в детском доме, ни в коем случае нельзя использовать по отношению к детям. От супругов, их родителей, соседей выпускники интернатов узнают много нового и невероятного для себя. Однако признают новую рациональность, перенимают и переучиваются. В интервью респонденты подчёркивают, что со своими детьми они не обращаются так, как обращались с ними самими в детском доме, подразумевая, что все знают о том, что в детском доме с детьми обращаются неправильно. Семья не живёт по инструкциям, а гибко ориентируется в смене обстоятельств. Инструкции, как много бы их не было, не предусматривают всех возможных вариантов воздействия внешних условий, а иногда не предусматривают проявление и преобладание эмоциональной сферы. В бюрократической системе, которая заинтересована в сохранении порядка и установленных правил, важнее следование инструкциям, по которым расписаны возможные ситуации. А правила и здравый смысл не всегда совпадают. Одна инструкция предписывает, в чём спать, а другая – как лечить в случае болезни. Правила как бы следуют друг за другом в соответствии с ситуационной единицей. Проблема в том, что нет инструкций, которые бы просчитывали на несколько ходов вперёд возможный результат и совмещали бы в себе несколько обстоятельств. Продолжение этой проблемы заключается в том, что есть проверяющий – представитель вышестоящей организации, который на практике может потребовать исполнения инструкций, а может последовать здравому смыслу и не наказывать воспитателя за нестандартный выход из проблемной ситуации. Но может, наоборот, наказать за то, что тот последовал инструкции, а не сориентировался в обстоятельствах. Однако воспитатель никогда не знает, какой проверяющий посетит детское учреждение, и чему будет следовать: предписанию или здравому смыслу.

Практика показывает, что полностью регламентировать казённую жизнь невозможно, потому что она выходит за рамки норм потребления, образования, медицинских услуг. Труднее всего поддаются регламентации человеческие отношения, которые выходят за строгие пределы законодательства. За этими пределами и получают распространение различного рода неформальные отношения "воспитанники-воспитатели". Доказательство этому – примеры специфических отношений – "дедовщины", по аналогии с армейской. Именно в результате таких отношений дети получают травмы помимо тех травм, которые переносит практически каждый ребёнок в процессе игр и общения со сверстниками.

Несмотря на то, что речь идёт о детях и подростках, травмы носили бытовой, а в некоторых случаях производственный характер. Получали травмы во время работы: "Упала я в школе, у нас там было подшефное предприятие – кирпичное. Упала я, ну немножечко череп помяла".

Без сомнения, сильные побои приводили не только к травмам, но и могли повлиять на дальнейшее физическое развитие ребёнка, его умственные способности. Если для раннего детства, проведённого в государственном учреждении, удачно найден термин "госпитализм"⁴¹ [73], то сами выпускники говорят о периоде в некоторых детских учреждениях: армия, тюрьма, каторга. С медицинским учреждением сравнения не было ни разу.

5.2. Смена жизненного пространства

У ребёнка в государственном учреждении нет чувства постоянного дома. Наши респонденты и документы, находящиеся в правозащитном фонде Казани, свидетельствуют о том, что некоторым детям приходилось менять до шести населённых пунктов, включая место рождения и обучение после окончания школы. А также менять четыре или пять детских учреждений⁴². В 15-18 лет подростки вынуждены уходить из детского

⁴¹ Первоначально термин употреблялся в отношении детей – воспитанников тюремных яслей, рождённых матерями-преступницами [73].

⁴² Мария, 74 г.р., определена в Зеленодольский дом ребёнка, с 77 г. в Нурлатский детский дом, с 81 г. в Буинскую школу-интернат (дата выбытия не зафиксирована), затем поступила в СПТУ.

Тагир, 70 г.р., определён в Бегишевский детский дом в 76 г., с 77 г. в Бугульминский дошкольный детский дом, в 78 возвращён в Бегишевский детский дом, с 79 г. в Казанскую школу-интернат 310 до 86 года.

дома практически в неизвестность, решать проблему жилья, прописки. Для некоторых закончить учёбу – это начать скитаться. К статусу сироты добавляется статус мигранта (как социологическое понятие), а стало быть, статус маргинала и чужака.

Дети-сироты становятся мигрантами в раннем возрасте и сохраняют этот статус в течение многих лет, доказывая, что миграция не географический факт, а социальное явление. Р. Парк считает, что миграцию не стоит отождествлять только с простым движением. Как минимум, она включает в себе изменение места жительства и разрушение домашних связей [74]. Домашние связи у сирот разрушаются несколько раз: 1) собственно домашние связи и разлучение с родственниками; 2) домашние связи, когда ребёнок начинает считать детское учреждение – домом, а воспитателей и детей – родственниками. Подобные переезды оставляют психологическую травму на всю жизнь.

Ильгиз: "С нами была из Чистополя воспитательница, которую я хорошо помню. Она с нами была три дня, пожила с нами, ну чтоб мы освоились, и это, уехала. Когда она уезжала, я это хорошо помню, я схватился ей за ногу. Не отпускал. Вот это я хорошо помню тоже. Меня там держали воспитатели, чтобы я отпустил ее. Ну, я считаю, как мама уж. После этого я ее не видел".

Переезд из одного учреждения в другое воспринимается воспитанниками по-разному: для одних – это ожидание чего-то нового, для других — страх перед будущим. Те, кого обижали в детском доме, ждут, что жизнь переменится к лучшему.

Олег: "Из детского дома ехали в школу-интернат. Мы ехали, строили планы. Да ещё было интересно ехать на автобусе, глядеть в окно. Экскурсия. Не важно, куда тебя привезут. Если тебя повезли, значит, надо. И нас готовят к новому учебному году. Нам вручают портфели со всякими принадлежностями. Мы рады. Вот в школу пойдём. Начинается новая жизнь. Я себя свободнее почувствовал. У меня вдохновение появилось, что свободным стал от воспитателей, от нянек, никто не будет за тобой смотреть".

Другие ждут встречи с друзьями или братом (сестрой), которые уехали в интернат раньше.

Юра: "Переезд был радостью: школа, встреча с друзьями".

Переезды помнят респонденты всех возрастов.

Римма, 62 года, Алтайский край: (Вопрос: *А как перевозили Вас, помните?*) "НУУУУ, Почему же не помнить! Вот Вас перевези, неужели Вы не вспомните! (*первые нотки слёз*). (Вопрос: *Переживали?*) Ну, как вы думаете, нет что ли? Всех друзей теряешь, всех! Где новых найдёшь?" Человек вспоминает, как трагедию, то, что произошло с ним более пятидесяти лет назад.

Директора и сотрудники детских домов говорят о том, что расставание переносят тяжело и сотрудники, и дети, плачут все. Некоторым детям приходится переезжать и плакать ни один раз. Переезды показательны, с одной стороны, в том, что приходится часто адаптироваться, а с другой – у человека нет своего угла. У некоторых сирот от рождения до старости нет собственного дома. Дети начинают считать детский дом своим домом, но и его надо покинуть.

Практику переездов прекратили в Белгородском детском доме "Южный". Судьбу "Южного" несколько лет назад решил губернатор, который сказал, что детям постоянно приходится менять государственные учреждения: дом ребёнка, детский дом для дошкольников, потом для школьников и общежитие ПТУ. Надо, чтобы был один дом, как в семье. Тогда и построили "Южный", который больше походит на виллу "новых русских", там живут сорок шесть детей разных возрастов. Братьев и сестёр не разлучают, если одному из них необходима специальная коррекционная помощь, как это бывает в других детских домах. Здесь же детей на машине развозят по разным школам, а после школы они опять вместе, как в семье. Скоро школу окончит ещё один воспитанник "Южного", он собирается учиться в ПТУ на автослесаря, жить останется в детском доме вместе с младшей сестрой. Эта история показывает: чтобы проблемы решались, они должны стать заботой тех, у кого есть реальная власть. Но должно быть не так, проблема должна решаться на уровне системного подхода, а не волевого решения человека, наделённого властью. К сожалению, как правило, мы не имеем ни того, ни другого.

5.3. Структура воспоминаний

Момент, с которого начинали свой рассказ респонденты, в одних случаях, был дискретной информацией, вырванной из уголков памяти дальнего детства. В других случаях, мог быть началом плавного повествования биографии. Как правило, самые ранние воспоминания связывались с возрастом от 3 до 6 лет.

Начало воспоминаний связывалось с пространством, временем, окружающими людьми, деятельностью, состоянием респондента (где, с кем, когда, случай, ситуация, отношения).

Время: возраст респондента, год, характеристика времени, как правило, для старшего поколения сирот война, перед войной, после войны, у современного поколения время присутствует как возраст или как советское, перестройка.

Пространство: родительский дом, государственное учреждение (возможно в здании или под открытым небом).

Наиля, 60 г.р., начала с Казанского дома ребёнка, затем Чистопольский детский дом с 63 г., Чистопольская школа – интернат с 68 г., Менделеевская школа-интернат с 69 г., Лениногорская школа-интернат с 77 по 90 гг. Затем ПТУ и возвращение в Казань.

Окружение: родители (или другие родственники), братья или сёстры в государственном учреждении, сотрудники государственных учреждений или одноклассники, одноклассники.

Деятельность, например, совместная, часто в пассиве, когда действие совершалось над респондентом — ребёнком ("играли с друзьями" или "был переведён в детский дом").

Состояние: был маленьким, болел.

Если респонденту приходилось испытать унижение, а тем более насилие, он обязательно об этом рассказывал. В некоторых интервью, при первичном изложении жизненных фактов отсутствовало много важной информации, например, о родственниках, об учёбе, о друзьях. Но о насилии, в отличие от обычных интервью, говорили, иногда даже в начале рассказа (табл. 7).

Специалисты указывают на патогенное влияние различных видов насилия, к которым относят физическое и психологическое (телесные наказания, неадекватные установки воспитателей и манипуляторства на личность и психику ребёнка) [75]. Возможно, поэтому обиженных респондентов труднее всего было сориентировать на повествовательный, хронологический характер биографии. Они постоянно возвращались к сценам и фактам насилия. Причём факты насилия со стороны воспитателя или учителя связывались именно с воспитательной функцией или оценивались как элемент воспитания.

Таблица 7

Примеры начала интервью

Респондент	Первые фразы рассказа	
	Респонденты, испытывавшие жестокость и насилие	
Андрей, Казань	Жестокость больше запомнилась, осела в душе, что ты ненужный.	
Ирина, Казань	Ну, голая сетка, помню, что там, матрац убирали, на голых сетках спали, это я помню.	
Ольга, Москва	Да, плохая у меня жизнь, били нас в детском доме.	
Надя, Москва	...попала в детский дом. Там я помню только плохое, к несчастью, потому что там били, издевались, всякое такое было. Воспитатели били.	
	Обычное интервью	
Злата, Барнаул	В 6 лет я попала в детский дом и с этого времени себя помню.	
Александр, Курск	Помню, жили с родителями уже. Года 3 мне было, все время они ссорились.	

Леонид, 29 лет (Казань): "У нас тоже один был по труду. Они пьют, обычно у воспитателей замена бывает, некого поставить, вот этого поставят трудовика. Вот он пьяный, он не может просто так воспитывать, ладонью ударять, обязательно палкой ... И айда бить, даже кулаками, пинали даже – кошмар вообще творился там".

К побоям, как средству воспитания, многие респонденты относились нормально. Правильно воспитывать – это ударить только рукой без подручных предметов.

Если дети воспитывались в нескольких учреждениях, то рассказ, как правило, структурировался по периодам пребывания в каждом. Причём интернаты обязательно сравнивались по своим воспитательным традициям. Если респондент помнил своё пребывание в семье, то в ряд воспоминаний встраивалась и семья, а затем жизнь после детского дома. Некоторые примеры приведены в таблице 8.

Таблица 8

Структура воспоминаний – сравнений смены места жительства*

Респондент	Периоды жизни		
	1	2	3
Ольга, Москва	...если один провинится, то всех клали на пол и били пластмасовой саблей по голым пяткам. Не знаю, почему они так делали. Там было очень плохо.	...потом я попала в школу-интернат. Там было очень хорошо. Все воспитатели были очень хорошие. Там никто никого не бил. Ну, это, конечно, моя старшая сестра постаралась, чтобы я в этот интернат попала к ней	...мужчина, с которым я жила. Я была просто для него как отбивная груша. И после работы я боялась идти домой. Бил ужасно. У меня даже были такие мысли, сброситься с четвёртого этажа. Я с ним жила потом только из-за страха.
Олег,	1) Раньше такие сетки были. Эти сетки	Избавляясь от одного тирана, находишь дру-	Были все условия, для нас это был рай. Такой

Респондент	Периоды жизни		
	1	2	3
Казань	мочили и хлестали по спине, по ногам. Няньки. 2) Одна нянька была, ночная ... Она нас постоянно чем-то подкармливала, либо печеньем, либо пряниками.	гих, более мощных. Ни кого-то со стороны, а своих, более взрослых. Путём силы, кулаками бил тебя, включая и лицо. В общем, учили тебя, как надо жить.	супер. Нас водили в кинотеатры, в цирк.
Елена, Москва	В основном помню только как по магазином ходила. С папой по пивнушкам. Пили они.	Сначала меня отправили в детский дом. Но мне там ужасно не понравилось. Ужас там, что творится. Там мальчишки бегали в палаты, трусы у девочек снимали. И воспитатели с этими ученицами всё, что угодно, в общем-то... Там вышли одни проститутки.	В основном, детство было хорошее. Хорошо было в интернате. Был хороший интернат со спортивным уклоном. Плохих сторон, даже сейчас вспоминаю, не было. Дисциплина жесткая, можно сказать, хорошая, меня это устраивало. Я считаю, что должна быть дисциплина.
Надя, Москва	Там я помню только плохое, к несчастью, потому что там били, издевались. Воспитатели били. Там за все били, что ни сделай. Били руками, выбивалками, мухобойками, прикладами игрушечными от автоматов, всем подряд. Что под руку попадало. Были и хорошие воспитатели, но большей частью такие.	В своей школе я не разочаровалась. Только хорошее могу сказать. Во-первых, педагогический состав был как на подбор, переживали за детей, общались, и даже до сих пор мы с ними встречаемся, общаемся, какие-то совместные дела у нас бывают.	Мне там не понравился и воспитательский состав, и дети. Если у нас не курили, ничего не было, то там меня поразила одна такая случай, когда мальчик на уроке пил одеколон. Я подумала, что могу испортиться, общаясь в таком коллективе. И стала забрасывать все это дело: отучусь и домой. Милиции сообщали, меня обратно доставят.

* Безусловно, мы приводим лишь немногие примеры из рассказов, характеризующих детские учреждения.

Структура воспоминаний – сравнений детских учреждений, а также жизни до них и после них могла быть:

- плохо – хорошо – плохо (каждое учреждение характеризовалось однозначно);
- везде и плохо и хорошо (в каждом учреждении присутствовало и то и другое);
- везде и всегда хорошо;
- везде и всегда плохо.

"Хорошо" и "плохо" – это, как правило, информация о родителях, воспитателях, о питании, о бытовых условиях, об отношениях с другими детьми.

Одни респонденты из ужасных условий в семье попадали в благополучные условия детского учреждения, другие столкнулись с трудностями только после окончания школы, иных неудачи и лишения преследовали на протяжении жизни.

Характеристика учреждения могла быть обусловлена не только его традициями, но и возрастом рассказчика на момент пребывания в этих учреждениях. Следовательно, структура воспоминаний обусловлена не только территорией, но и возрастом.

Олег, 27 лет, Казань: "Было такое правило, что восьмой класс защищает первые, вторые, третьи классы. Они были вне всяких дел, проблем. К ним нельзя было ходить, отбирать, бить, посылать куда-то. Особенно первый класс (второй, третий класс, они ещё могли, куда-то попасть). Они должны были адаптироваться. Понять. Потом начинается, приглядываешься, что и как. Учишься. Жизнь в интернате в первом классе мне больше всего понравилась. Я не знаю, почему. Было настолько хорошо. Никто тебя не преследовал. Никто тебя не обижал, не бил. Наоборот, тебя ласкали, жалели. Во втором классе было примерно так же. Привыкли. Во втором классе стали загружать. Могли тебе пинка дать. В третьем классе тоже могли побить тебя. Потом с четвертого класса. Была такая система, что первые-четвёртые классы живут в одной половине, а другие классы – в

другой. Есть младшая и старшая половины. Их разделяет большой коридор. Живя в этой половине, нас никто не трогал, мы сами решали свои проблемы. Такое правило существовало уже несколько поколений. Восьмой класс уходит, и седьмые становятся восьмыми. Его бьют, когда он четвёртый, пятый, шестой класс, а когда он становится восьмой, то он может бить всех. А первый класс опекает".

Жизнь в детском доме респондентом описывается как набор правил, именно правил. Правил, установленных старшими людьми: воспитателями и воспитанниками. Одни правила скорее установили воспитатели: не бить, а опекать маленьких и с таким регламентом все соглашаются. Но постепенно эти правила начинают иметь всё меньшее влияние и тоже с согласия всех участников отношений. С согласия, попустительства, невмешательства. Но жизнь, когда тебя можно бить, нельзя назвать стихийной жизнью. Это так же жизнь по правилам, по плохим правилам. Но это уже не только правила, а закон выживания.

Временные сравнения присутствовали в воспоминаниях всех семейных пар, которые нам пришлось опросить. Особенно ярко это выглядело, когда у супругов была разница в возрасте. Они (супруг и супруга) обязательно начинали доказывать, что во время их пребывания было хуже или лучше.

Эти же темы сравнения интернатов присутствуют в разговорах выпускников разных воспитательных учреждений, например, когда мы проводили фокус группы, её участники сами обязательно выходили на тему сравнений.

5.4. Воспитательные традиции и отношения между детьми

Воспитательные традиции детских учреждений в большой степени ответственны за состояние физического и психического здоровья воспитанников, а часто и за их судьбу. И это выражается не только в словах одной из наших респонденток: "...хорошо, что меня перевели в этот интернат, я здесь узнала, что такое чистить зубы".

В ходе рассказа сравнивались дошкольный детский дом и детский дом, куда пришлось прибыть, чтобы пойти в школу. Сравнивались воспитатели, которые менялись в период пребывания воспитанника в том или ином государственном учреждении. О некоторых воспитателях хранят память даже нынешние пенсионеры из числа сирот. Через многие годы бывшие воспитанники, при наличии средств, навещают воспитателей и детские учреждения, ездят на дни рождения, похороны, пишут письма. Воспитатели и учителя во многом определяли отношения детей к внешнему миру: к людям, образованию. Особенно это касается тех детей, которые не видели внешний мир, попадали в государственное учреждение в раннем возрасте, а впоследствии учились в школе при детском учреждении. Одни воспитатели становились самыми близкими людьми, их помнят и вспоминают с благодарностью. Почти в каждом интервью прозвучало имя воспитателя или директора детского учреждения, который проявлял доброту, ласку, восстанавливал справедливость, приглашал в дом, знакомил с семьёй, угощал.

Юля, 16 лет, Барнаул: "У нас директор, я удивилась, вообще, классный, добрый, понимает".

Наташа, 24 года, Казань: "Я туда ездила в гости к своей воспитательнице. Она у меня любимая воспитательница. Мне скоро 25 лет будет, я до сих пор её люблю. Она ни разу нас не била, ни разу нас пальцем не тронула. Всегда нам хорошего желала".

Римма Фёдоровна, 52 года, Алтайский край: "До сих пор детский дом вспоминаю. Лидию Михайловну, свою воспитательницу, чаще всего вспоминаю. Сейчас заплачу (начинает плакать, всхлипывает). Даже похоронить её не успела. Не сообщили. Как смогли? Такую женщину. Это второй детский дом. Такой женщины больше на свете нет. Умела всё с нами. Учила труду. Умела, чтобы мы трудолюбивые были. Умела, чтобы мы ласковые были. Умела всё".

Бывший директор школы-интерната № 8 города Барнаула, Баркова Лидия Дмитриевна позволила поработать со своим архивом, в котором находились сотни писем её выпускников из разных городов России и бывшего Советского Союза. Выпускники рассказывали, как продолжили учёбу, как устроились, с кем познакомились, как создали семью. Присылали свои фотографии, фотографии мужей, жён и детей. Благодарили за воспитание. Такое возможно тогда, когда есть уверенность, что твоего адресата интересует, как у тебя сложилась жизнь.

Очень трогательную историю рассказала один из директоров детского дома, когда она не сдержалась и дала пощёчину своему воспитаннику. А потом показала его письмо, где он, взрослый человек, благодарит за эту пощёчину и считает, что это и было началом его положительных перемен в жизни.

Особенно везёт тем детям, где в детском доме есть хотя бы один незаурядный, творческий и доброжелательный человек. Именно такой человек иногда формирует судьбы детей нескольких поколений. Вдвойне детям везёт тогда, когда среди воспитателей и руководства несколько таких людей. В этом случае в детском учреждении формируется особая атмосфера. Выпускники именно этих детских учреждений вспоминают своих воспитателей как значимых людей, которые помогли изменить жизнь в лучшую сторону.

Например, выпускники школы-интерната № 2 города Курска рассказывали, как ездили путешествовать вместе с директором, ходили в походы с директором и руководителем туристического кружка. Мы встречались

с несколькими выпускниками разных лет, не было сказано ни одного плохого слова о воспитателях и преподавателях, один отрицательный пример касался повара, который не дал добавки.

Юра, 19 лет, выпускник школы-интерната № 2 г. Курска, учащийся ПТУ: "... я ничего против не имею того, что отдали (*в детский дом*⁴³). Разочарований не было, нравилось всё время. Я даже думаю, что можно было бы ещё разочек так прожить. У нас воспитатель был до 9 класса, хороший человек, сейчас он на пенсию ушёл"; "Я никогда не стесняюсь, что я с интерната. Некоторые стесняются. А для меня, наоборот, что-то получилось". Юра не исключение, об этом говорили и другие выпускники этой школы-интерната, девушки и молодые люди, например **Андрей**, студент педагогического университета, 4-й курс: "...нормально жили. Я даже не жалею, что в школу-интернат попал. Дело в том, что в интернате я объездил очень много, пол-России объездил и побывал за границей. А если бы я жил сейчас в своей деревне, я не думаю, что сейчас куда-нибудь дальше Курска уехал. Я побывал и в Мурманской области, и на Эльбрусе, на Кавказе, и на Урале на горных лыжах ездили. Потом в Курской области на байдарках ездили, в Карелии на байдарках прошли. В интернате очень много по городам ездили: Москва, Петербург, Псков, Новгород. И за границей побывал: в Германии и в Англии. На море ездили, отдыхали очень часто".

Это один из интернатов, когда действительно можно сказать, что дети в государственном учреждении видят гораздо больше некоторых детей, воспитывающихся в семьях.

Но были и такие воспитатели, которые развивали чувство ненависти, дети под их влиянием становились замкнутыми и озлобленными.

Юля – супруга Леонида, 21 год (выпускница того же интерната, что и муж): "И когда мы 9-й класс кончали, директор пьяный пришел. Построил нас девчонок. А из девчонок кто-то курил, первую сигарету взял, курить начал. Он всех собрал, снимал железки с кроватей и избивал девчонок. Всех подряд. И из-за сигарет, бывало, и раз он пьяный. У нас тоже отбирали. Вот старший... И девчонки и пацаны. ...набивали, даже от потолка, от пола кидали: покрывало стелили и от потолка, от пола кидали. Так издевались. Они кидали от потолка, покрывало убирала и мы об пол. Даже если их не слушаешься или на фиг пошлешь (по матерному раньше мы не знали) – так они возьмут железку от кровати выдернут... Даже воспитатель наш даже избивал".

Нас заинтересовал этот интернат, так как первому респонденту из этого интерната было около тридцати лет и с тех пор многое могло измениться. Мы нашли воспитанников более поздних выпусков. Их биографии свидетельствовали о том, что, несмотря на смену состава воспитателей и воспитанников, традиции оставались жить. Это подтвердили респонденты, которые окончили школу-интернат пять лет и четыре месяца назад. Шестнадцатилетняя девочка, учащаяся ПТУ, повторила те же самые истории: старшие воспитанники в качестве наказания используют покрывала, на которых подкидывают до потолка, затем убирают покрывала, а ребёнок со всего размаха падает на пол.

В каждом интернате есть свои традиции, хорошие и плохие, которые передаются из поколения в поколение. Традиции формируются в детской среде, в среде воспитателей. Укрепляются из года в год и задерживаются практически навсегда. Искоренить эти традиции расформированием детского учреждения невозможно, так как дети "развезут" свои навыки по другим детским домам. Подобные учреждения можно изменить, если не пополнять их новыми детьми, а, отучив последний выпуск, создать новое учреждение, сменив полностью состав воспитанников и сотрудников.

Сегодня, если нет возможности укомплектовать воспитательное учреждение кадрами, то не стоит его содержать, это касается, прежде всего, учреждений, находящихся в небольших отдалённых населённых пунктах. Рассказ респондентов упорно наводит на мысль, что подобные школы-интернаты – это некоторая ступень между детским домом и специализированным учреждением для малолетних правонарушителей. Потому что в такое учреждение отправляют, прежде всего, тех воспитанников, которые отличаются плохим поведением или плохой успеваемостью. Видимо, поэтому к детям не стеснялись применять физические методы воспитания, а учёбе практически не уделяли внимания. Это касается, прежде всего, коррекционных учреждений.

И воспитатели, и сироты рассказывали о вспомогательных школах-интернатах для детей с отставаниями в умственном развитии, в которые помещали обычных подростков за плохое поведение. Попадая в такой интернат, ребёнок терял надежду получить образование, в школе обучали по остаточному принципу, не было некоторых предметов. Воспитатели отстранялись от воспитания, делегируя полномочия надзирателей тем старшеклассникам, которые с удовольствием готовы были избивать младших. В этих же учреждениях дети проходят школу жестокости, воровства.

Олег, 28 лет, Казань: "Там была власть взрослых. Если мы не слушаемся воспитателей, воспитатели подходят к взрослым, взрослым классам, и они к нам профилактику делают. Или когда мы ложимся спать, просто они заходят, или когда воспитателя нет. Или даже в дневное время.

Мы гуляли два – три часа. За эти два-три часа узнали, что мы, что я отлучился. Потом я пришёл и меня воспитатель до такой степени избил. Ну, у нас дрова привозили, они не очень толстые, берёзовые прутья. Вот таким прутком деревянным до такой степени бил, бил, пока прут не сломался.

Это была молодая женщина, ей лет 35 было. Я этой женщине докучал, из-за этого. Злопамятная, и она в последнее время вообще мужа своего вызвала. Значит, это посторонний человек был. Муж мне добавки доба-

⁴³ Примечание автора.

вил. Он уже об меня прут сломал деревянный. Наши одноклассники удивляются. Как ты только вытерпел? А что же делать! Я вытерпел, не кричал даже.

Школа-интернат, она в деревне. Большая деревня. Там меня на истинный путь и поставили. Я в принципе, как сказать. Я в принципе, не жалею, не сожалею, я даже рад. И когда я к ним приезжаю, я большое спасибо им говорю".

Видимо, подобные случаи, когда за воспитание говорят спасибо, и вдохновляет воспитателей применять особые методы. У некоторых респондентов действительно на всю жизнь сохраняется убеждение в том, что происходящее в государственных учреждениях – это воспитание. Они даже благодарны за это воспитание. Олег без единого упрека рассказал о тех побоях, что ему приходилось выдерживать. Его рассказ – это просто повествование о том, что неизбежно, что необходимо, что обязательно присутствует в жизни каждого человека. Воспитательные приёмы полностью переворачивают представления детей о нормальных отношениях между людьми. Именно те респонденты, которых били, пришли к выводу, что без этого жить невозможно и даже нерационально. Поэтому сначала их били, потом они начинают бить и считают, что это правильно.

Из интервью с сиротами и экспертами мы узнали о том, что существует несколько стилей объяснения детям, почему они попали в коррекционное учреждение: 1) "вы дебилы и дураки" (жёсткое объяснение); 2) "вы обычные дети, но Вам сложнее усваивать школьную программу" (мягкое объяснение); 3) никакие объяснения не даются; 4) воспитатели признаются, что ребёнка в воспитательное учреждение перевели за провинность в качестве наказания. У экспертов – представителей сферы образования существуют разногласия по поводу объяснений. Одни считают, что детям следует сказать правду об их слабых умственных способностях, чтобы не было неоправданных ожиданий в будущем. Другие придерживаются мнения о том, что детей не стоит обижать и даже намекать на их недостатки.

Воспитатели коррекционных интернатов знают, кого и за что переводят в их интернат. В такой ситуации отношения к детям может быть предвзятое и усугубляться в течение времени пребывания ребёнка в детском учреждении, в течение всей воспитательной деятельности-взаимодействия-чувства⁴⁴. Иногда достаточно одного поступка или слова со стороны воспитанника, чтобы воспитатель начал испытывать к нему антипатию и наоборот. Симпатия и антипатия – эмоции, которые часто связаны со специфическими для человека чувствами и нередко происходят из таких чувств. Эти специфические чувства возникают в некоторых случаях с первого взгляда и формируются в зависимости от внешнего облика объекта чувств и эмоций⁴⁵ [76]. Дети могут с первого взгляда воспитателя стать объектом симпатии или антипатии.

Олега перевели из одной школы-интерната в другую в качестве наказания за плохое обучение и поведение. В первом интернате у него осталась младшая сестрёнка, с которой они расстались на несколько лет.

Подобные переводы в качестве наказания — изобретение не сегодняшних дней. Например, бывший директор одной из школы-интерната рассказала, как решалась подобная проблема в 1960 году: "Он распоясался до такой степени, что его пришлось отправлять на работу в Озёрскую школу-интернат. Пусть поработает, посмотрит, а потом вернётся в детский дом. А он хороший музыкант был. Он там побыл месяц. Там погружал он, материал привозили... И он оттуда мне пишет, чтобы его забрали обратно, что ему коллектив не нравится, что наш коллектив лучше. Ладно, приезжай, если будешь помогать детскому дому".

Однако в этом случае важно то, что такая воспитательно-трудовая мера носила временный характер. Подросток мог осознать свои ошибки или под воздействием страха и трудностей согласиться с тем, что надо менять своё поведение. У подростка был шанс вернуться в привычную обстановку. Сегодня, среди наших респондентов не было упоминаний о том, что кому-то удалось вернуться в лучшие условия.

Сергей, 30 лет, Казань: "Мы терпели потому, что всегда так было и до нас и после нас осталось. В газетах сейчас об этом не пишут, но это есть. И потом, иногда человек не может сказать об этом прямо, стесняется. Ну, а я могу сказать прямо: били и бьют, по делу и по пустякам. По пустякам плохие люди бьют, по делу – хорошие".

Приводились разнообразные примеры наказаний (из интервью воспитателей и воспитанников):

- оскорбление словом;
- побои;
- круговая порука – "строили всех";
- голод, как разовое мероприятие или на несколько дней (оставляли без дополнительного питания между обедом и ужином; без обеда, не давали есть весь день);
- помещение в психиатрическую больницу;
- перевод в другое учреждение, с более строгим режимом, в коррекционное учреждение;
- лишение части стипендии или всей стипендии в ПТУ, но при этом бесплатно кормили в столовой.

⁴⁴ Лица, которые испытывают неприязнь друг к другу, выражают её в деятельности, и деятельность увеличит антипатию. Устанавливая отношения количественно, можно ожидать, что любое изменение в чувствах лиц друг к другу последует за изменением в деятельности, через которую они выражают эти чувства [40, с. 118].

⁴⁵ Ф. Тённис описывает подобную ситуацию при возникновении чувств между мужчиной и женщиной [76].

Некоторые респонденты до сих пор не знают, за что их били и не могут этого объяснить. **Ильгиз**, 28 лет, Казань: "Бывало, попадало. У нас, помню, один чё-то не хотел делать, его жестоко избили. И им при том ничего не сделали. Ни директор школы, ни чё. Как Вам объяснить по-интеллигентному. Вот не сделал, чё им надо, так уж получалось. Да, это есть. Потому что если это детдом – это детдом. Там уж матери нету. Там уж сам за себя". У Ильгиза, в отличие от Олега, до сих пор сохранилась обида на несправедливое отношение. У детей формируется убеждение в том, что их обижают потому, что за них некому заступиться. Это чувство сохраняется на всю жизнь, что если ты сирота, то вынужден терпеть несправедливость. Об этом говорили и некоторые респонденты — пенсионеры. Причём у респондентов, которые, будучи сиротами, воспитывались бабушками или другими близкими и любящими людьми, такое чувство формируется гораздо реже. Об этом же чувстве не упоминали респонденты, например, чьи матери находились на излечении в психиатрической больнице и часто навещали своих детей. Молодые люди, по статусу сироты, воспитывающиеся с бабушками и дедушками, обычно идентифицировали себя с сиротой только в разговоре о льготах или когда вспоминали потерю родителей. Те дети, которые воспитывались в детских учреждениях, сиротство связывали именно с пребыванием в стенах детского дома.

Школа-интернат, о которой говорили Олег и некоторые другие респонденты, находилась далеко от районного центра и глаз начальства. Это было своего рода замкнутое пространство, из которого дети практически не бежали, потому что бежать было некуда и далеко не убежишь. До города ходил один автобус. Школа-интернат черпала кадры из той же деревни. Например, о директоре сказали, что после того, как он приставал к девушке, его уволили, и он сейчас опять работает плотником.

Некоторые респонденты называли свои детские дома каторгой для детей, умоляли туда поехать и посмотреть, как живут дети, помочь им изменить их судьбу: "поедьте, потихоньку подойдите и поговорите с детьми" или "жалко тех, кто после нас там остался".

Комиссиям из министерства дети не доверяют: "Некоторые не вытерпеливают. Пишут письма начальству. Это высшее начальство приезжает, проверка. Там у нас уже за неделю знают, когда они приезжают, там уже у нас идеальную чистоту наводят. Нас одевают. И если слова скажете, то спокойно здесь не жить уже. И ребята молчали".

Ильгиз: "Били, чтоб больше не посылали письма. Вызывали к директору и били. Вот и все. (Вопрос: *К Вам применяли такую меру?*) Да, применяли ко мне. Меня даже один раз избили этим, есть вот ремень, движки вот эти, на движках стоят же вот ремни. Вот, меня этим ремнем били. Спина болела, в рубцах была, а че толку. (Вопрос: *К врачу не обращались?*) Я не мог обращаться. Меня предупреждали сразу. А врач тоже, она мне че сделает? Она меня йодом помажет. В больницу я пойду, там тоже свои врачи знакомые. Я только попадаю к знакомым врачам там. А это, больше этого, кроме этой деревни больше никуда не распространялось все равно. Никто не знал, что нас били. Мы даже боялись сказать, что нас били".

Комиссий в детских учреждениях всегда много бывает и плановых и внеочередных, в том числе и по детским письмам. Но мы не встречались со случаем, по рассказам респондентов, чтобы после их посещения что-то менялось коренным образом. В одном детском доме комиссию вспоминали добрым словом только потому, что воспитатели из дома принесли много вкусного, чтобы угостить дорогих гостей, а дети могли потихоньку своровать продукты.

Подобные сюжеты присутствовали в рассказах респондентов всех возрастных категорий. В последние годы ситуация изменилась в том, что появилось больше гласности, а дети в некоторых детских домах твёрдо знают, что можно пожаловаться и знают, куда следует жаловаться.

В Республике Татарстан и в других регионах России в 1999-2000 году по телевидению и в прессе освещали несколько судебных разбирательств в отношении воспитателей детских учреждений, которые злоупотребляли своим положением и унижали, обижали воспитанников.

Сотрудники детских домов обижали и наказывали детей сами, а также не вмешивались в их межличностные отношения. Проблемы дедовщины не решались, а если и были попытки решить, то не приводили к желаемому результату. Искоренить отношения поборов, унижений, насилия невозможно в учреждениях с большой численностью детей. Негласный кодекс предписывал молчать о проявлениях дедовщины.

Ирина, 27 лет (Казань): "Да, отбирали все это. Кусочек откусишь там вот с этого пряничка, все, в морду, хоть куда. ... травм этих сколько головных-то...".

Анна, 28 лет: "Старшая группа, короче, у маленьких полдник отнимали. Но у нас – нет. У меня – никогда. Хотя даже и пытались у меня что-то, и бывало у меня. Я чё, маленькая, худенькая была, я помню. Один раз меня заставили. Это было в спальне дело. Когда мы спали в тихий час, этот мальчишка пришел, старшеклассник, я спала. Он меня поднял, говорит: "Ты мне будешь выносить полдник". Я сразу ему напрямую сказала: "Я тебе не обязана полдник выносить, не буду". Все спят, все боятся, воспитателя нет. Воспитатели где-то на улице сидят, разговаривают обычно. Они не видели, как постоянно... Вот воспитатели так позволяли даже. Бывало так иногда. Палкой бьют, сигают. Даже иногда, которые есть воспитатели, они боялись сами старшеклассников. И вот, он меня взял и начал бить. Взял меня и об пол бросил меня. Так бросил меня, и я все, я сознание потеряла. Отпинал меня и бросил. Я только когда очнулась, когда уже Колька меня поднял так и положил. Хороший там один парнишка был, старшеклассник.

Я очнулась, он говорит: "Кто тебя бил, скажи мне?" Я сказала, что так, вот такой-то мальчишка. На следующий день, короче, он привел его. Меня вызвал, ну я уж все, отошла. Я же потом в больницу ходила. У меня же сотрясение мозгов немножко было.

Мне Коля сказал не говорить об этом воспитателям. Там потому что у них был физрук, у них был здоровый физрук. Этот один был, такой жесткий мужик, воспитатель. Коля говорит: "Просто не говори. Если ты скажешь, ты нас всех подставишь. Считай, нас всех бить будет". На самом деле такой этот был, физрук, бил прям. Если кто маленьких трогал, он, знаешь, как бил, он всех подряд бил, винных, невинных – всех бил. Из-за этого, он мне говорит, невинных будет бить, нас же будет. Но он потом вызвал, мы отдельно там на улице. Он не один был, Коля, их несколько было. Они вчетвером его избили, вот который меня избил, они его били, прям: "Вот, давай перед ней извиняйся. Зачем ты ее бьешь, за что? То, что она должна полдник выносить? Теперь не она будет полдник выносить, а ты будешь полдник нам выносить". Они его заставили. Даже он подошел, прощения у меня просил. Так строго его бил даже до полусмерти. Я даже сама испугалась. "Потому что он тебя так бил, и я его так обязан избить". А че, я во втором-первом классе училась. После этого меня никто не трогал. До 8-го класса меня никто не трогал. А 5-6-й, там уж, я уж сама такая была. Хулиганка была. Чем взрослее, тем это начала... Нормальное у меня детство было".

Этот нарратив типичен. Воспитанники, которые прошли через подобные отношения, пытаются понять, почему так происходит. Пытаются найти виноватого. Сначала виноватым однозначно считается тот, кто обижает. Потом респонденты начинают осмысливать роль воспитателя: виноват – не виноват, знал – не знал, видел – не видел, должен был вмешаться или нет. Приходят к выводу, что воспитатель, как старший, как ответственный, должен вмешиваться и следить за порядком. Потом приходят к выводу, что воспитатели всё видят, но не хотят вмешиваться. Затем понимают, что защитника в лице воспитателя быть не может. Потому что попытки некоторых воспитателей восстановить справедливость пугают. Избиение уже обидчика вызывает жалость и страх у обиженного.

Таким образом решаются проблемы из поколения в поколения во многих детских учреждениях. Дети живут в своём мире, не пуская в него воспитателей или с их молчаливого согласия. Калечат друг друга физически и морально. Позиция невмешательства для воспитателя очень удобная: если не знаешь эту проблему, значит, не надо её решать, значит, нет такой проблемы. Ещё одна позиция – дети сами разберутся.

В приведённом примере мы видим, что некоторые сотрудники детских учреждений готовы братья за решение проблемы "дедовщины" по принципу "клин клином вышибается", опять же побоями, которые не приводят к положительному результату. В этом интернате было немало покалеченных детей другими детьми и воспитателями.

Сотрудники детских учреждений в интервью указывали на то, что дети не жалуются, молчат, предпочитают разбираться сами. Это всегда ставилось в заслугу детям.

Александр, Курск: "...был такой молодой человек, он в 10-м классе вроде учился, он очень любил пиво, можно так было понять. В общем, он постоянно ходил, выбивал деньги с ребят: где их хотите, там и берите. Мне даже пришлось один раз занимать у директора школы. Я был тогда в хороших отношениях с ним, да и сейчас, когда встречаемся, хорошие отношения. В общем, я у него сто рублей занимал. В общем, я ему отдал эти сто рублей (*старшекласснику*⁴⁶), и все равно получил по ушам".

Иногда таким неформальным образом (дать деньги в долг) директора помогали воспитанникам решать их проблемы, но на самом деле – это один из способов уйти от проблемы.

Замкнутое пространство накладывало отпечаток на развитие детей и все их сферы жизни: на физическое, психическое здоровье, на отношение к людям, к учёбе. У некоторых детей развивался комплекс неполноценности, незначимости.

Участник фокус-группы (1), сирота: "Человек, он ненужный, это изнутри, извне это ощущается. Даже в положении вещей, с чем сталкиваешься в процессе жизни. Я настолько в себе это переживаю, но я стараюсь не держать в себе это долго, потому что это влияет на здоровье. Некому пожаловаться. Такие растерзания, ты как в клетке и тебе... постоянно в тупике. Безвыходная такая ситуация и мозг тупеет, человек психически больной становится. У него уже рефлекс выработываются психические, отклонения вот эти. Он уже плохо учится, плохо развивается, и его уже не интересуют эти внешние интересы, а как бы спастись от всех этих вещей. Загнанный в угол, как собака".

С первым участником спорят его друзья, они оправдывают воспитателей, говорят, что им трудно справиться с таким большим количеством детей, тем более непростых детей. И что это неплохой приём – обращаться к старшим классам за помощью. Только вот старшие классы переусердствовали при исполнении поручений воспитателей. Более того, молодые люди даже принялись обсуждать проблему: кто у кого перенимает методы воспитания, старшие воспитанники у воспитателей или наоборот. В некоторых случаях такие дебаты приводили к поиску доброго царя – директора или представителя министерства, которые ничего не знали, а если бы узнали, то обязательно предотвратили бы такие практики: "...все скрывалось от всех директоров, учителей и всех министров. Воспитателям просто на руку все это было, потому что они не могли справиться с таким количеством людей, а зачастую заставляли старших. А старшие зачастую, как говорится, убивали челове-

⁴⁶ Примечание автора.

ка. Т.е. его человечность убивали. Человек, он же только и жил страхом" и "...вот убивали не только руками, но и поведением, воспитанием".

Существует среди воспитанников и другая точка зрения о том, что добрый царь – это только представитель министерства, а директор заодно с воспитателями: "А чё ты говоришь, что скрывалось это от директоров? Они сами участвовали в этом. Они просто показуху делали, приезжала комиссия – они показуху делали, и все на этом".

Участники фокус-группы, выпускники школы-интерната (1): "Дело в том, что есть особенность, что мы не люди", и (2-й участник) резюмирует: "Да, мы не люди". К этому выводу молодые люди пришли в детстве и сохранили до 25–30 лет. У некоторых сирот такое мнение остаётся на всю жизнь.

Возможно, молодые люди в 15 — 18 лет ещё не имеют глубокого убеждения такого рода, возможно, подобные убеждения формируются уже после окончания школы, в более взрослом возрасте. После того как не смог получить профессию по желанию, не смог найти работу, понял, что нет перспектив получить жильё, создать семью.

Неформальные отношения старших и младших, сильных и слабых в некоторых случаях можно объяснить проявлением позиции силы. В некоторых случаях, как говорили те, кто отбирал часть продуктов у младших, – голодом. Но постоянные практики – это уже традиции или установленный порядок, который становится нормой жизни учреждения, сотрудников и воспитанников.

Своё детство рисовали светлыми красками те респонденты, которые повстречались на жизненном пути с хорошими людьми (или, также будет верно, не встретились с плохими людьми, плохим отношением к себе). Эти встречи сумели заслонить глубочайшие проблемы: потерю родителей, болезни, голод.

В жизни каждого человека есть значимые встречи, значимые личности. Те люди, кто максимально повлиял на судьбу, или даже кардинально её изменил. Для сирот первый значимый человек или первые значимые люди в жизни – это родители, которые дали жизнь, именно сиротскую жизнь, которая во многих случаях стала судьбой. И следующие значимые люди – это воспитатели, которые своим авторитетом, положительным или отрицательным, формировали ребёнка. Если на пути респондента встречались резко положительные или резко отрицательные воспитатели, о них всегда шло упоминание в рассказе. Но иногда респондент рассказывал о своей жизни и не вспоминал о воспитателях, будто их не было, не делал акцент на отношения. В этом случае интервьюер обязательно задавал дополнительный вопрос об отношениях с воспитателями. И мог последовать такой ответ: "Отношения с воспитателями? Нормальные, хорошие". Это говорит о том, что ребёнок совершенно естественно относился к тому, что его не обижали, не придавал этому значения, не мог этого оценить, для него так и должно быть, он не представлял иного. На наш взгляд, это очень важно и показательно.

5.5. Закрытость детских учреждений

Степень открытости (закрытости) воспитательного учреждения во многом определяет развитие воспитанников. Если у обычного, свободного, ребёнка есть несколько кругов общения⁴⁷ [77]: семья, школа (детский сад), различные кружки и спортивные секции, близкие и дальние родственники, личные друзья и друзья родителей, соседи, двор и т.д. У ребёнка в детском доме кругов общения значительно меньше и все они могут быть определены одной территорией и одними и теми же лицами.

С развитием личности, как правило, расширяется и круг связей⁴⁸ [78]. Личностью руководят различные интересы, связывая индивида как с самыми узкими, так и с самыми широкими кругами. Судьба навязывает индивиду определённое окружение (по Георгу Зиммелю – семья). По мере развития, каждый индивид завязывает связи с личностями, находящимися вне первоначального круга ассоциации⁴⁹. Мы бы хотели сказать, что такие положения будут соответствовать развитию свободной личности в открытой системе.

В ходе исследования мы встретились с несколькими типами детских учреждений, которые наиболее наглядно представляют ситуацию (табл. 9).

⁴⁷ По мнению Т. Миллза, изучать малые группы – это изучать то, что происходит между людьми, когда они встречаются "на ближней дистанции". Малые группы – это самостоятельные образования, которые находятся между отдельными индивидами и организацией. Малая группа состоит из двух или более индивидов, входящих друг с другом в целевые контакты и придающих этим контактам особое значение. Каждый из индивидов, как правило, входит в несколько групп общения: семья – относительно самостоятельное образование; группы (например, совет директоров) – части более крупных группировок; третьи группы – артели, группы по интересам, связанные с хобби, команды и т. д. [77, с. 82-93].

⁴⁸ "Развитие, которое берёт начало в более узкой группе и ведёт одновременно и к индивидуализации, и к усиленной социализации, конечно, не всегда в одинаковой степени должно осуществить и то и другое", однако один элемент может преобладать над другим" [78, с. 359].

⁴⁹ "Отношения с которыми основываются совсем на другом: на объективно одинаковых способностях, склонностях, деятельности и т.д.; ассоциация, основанная на внешнем сосуществовании, всё более уступает место ассоциации, основанной на отношениях содержательного порядка. ...Высокие практические точки зрения сводят воедино одинаковых индивидов из совершенно чуждых и не связанных друг с другом групп; создаются новые круги соприкосновения, которые под самыми разными углами пересекают прежние круги, сравнительно более естественные, больше основанные на чувственных отношениях"[78, с. 104].

Самый тяжёлый случай – совершенно закрытое учреждение, где дети полностью отгорожены от внешнего мира: живут и учатся в одном здании на закрытой территории и не представляют, как устроен мир за оградой. Положение усугубляется там, где воспитатели не готовят детей к самостоятельной жизни, именно в таких учреждениях дети не знают, что яйца бывают сырые, а чай несладкий. Именно после совершенно закрытого учреждения ватерлиния маргинальности наиболее яркая. В каждом учреждении формируется свой социокультурный тип, как и в семье, который складывается из общей культуры педагогического состава, традиций, экономических возможностей. На социокультурный тип влияют и отношения с вышестоящими организациями, с окружающим миром, с материальной средой (эстетикой детского учреждения).

Таблица 9

Типы детских учреждений по степени закрытости*

Тип учреждения	Условия обучения	Возможности общения
Совершенно закрытое учреждение	Учатся там же, где и живут	- с детьми, которые живут в этом же учреждении; - с воспитателями; - с преподавателями.
Частично закрытое учреждение	Учатся там же, где и живут. Но в школе, кроме сирот, учатся приходящие дети	Дополнительно общаются с приходящими детьми, могут ходить к ним в гости и через них общаться с внешним миром
Открытое учреждение	Учатся в обычной школе, в некоторых случаях ходят в школу пешком, как дети, воспитывающиеся в семьях	Не ограничены в общении, как и дети, воспитывающиеся в нормальной семье

* Мы приводим крайние типы учреждений, безусловно, кроме данных, основных типов, существует много других, с некоторыми нюансами, когда, например, детей отпускают за территорию детского учреждения.

Вопрос о закрытости учебного учреждения очень близок к вопросу о возможности выбора. В одном случае выбора образования, в другом – выбора круга общения. Отсутствие выбора рассматривается взрослыми респондентами как ограничение свободы.

Сергей, 30 лет, Казань: "Детский дом, всё равно закрытое помещение, режим существует, порядок и придерживаемся этого порядка. На улице в городе не гуляли, жили своей жизнью. Мне кажется, что эта жизнь всё усугубляет и сирот очень трудно потом перевоспитать. Всё-таки должна быть какая-то часть свободы. Сейчас мы эту свободу понимаем так: сирота если хочет, должен пойти в то учебное учреждение, которое он считает нужным. Должна быть возможность пойти в то учебное учреждение, где учатся дети, которые имеют родителей. И вообще, любой сирота должен учиться в той школе, где учатся все дети. В этом случае он не будет себя чувствовать ущемлённым. Надо, чтобы было как у всех: нет закрытости, больше общительности, больше привыкания. И именно в том возрасте, где как раз им нужно, чтобы люди привыкали друг к другу. Во взрослом возрасте это трудно. А интернат должен нести функцию как домашнюю, просто крышу над головой. Питание и содержание – всё. Те институты школ-интернатов, которые сейчас существуют, – это вчерашний день".

Сергей учился в закрытом учреждении, но чувствует, что школы-интернаты должны быть другого типа. Открытые школы-интернаты существовали и раньше. Однако каждый регион принимает для себя определённый тип. В открытых учреждениях дети ходят в обычную школу сами, знакомятся и дружат с детьми, приглашают их в гости и ходят сами.

Директор школы-интерната, который можно отнести к среднему типу (в школу приходят учиться ребята из района, в котором расположен интернат), говорит: "Мы постоянно общаемся. У нас столько мероприятий: и к нам приезжают, и мы выезжаем. Мы везде бываем. А то, что действительно замкнутое пространство. Что они живут, учатся, кушают, ночуют в одном месте, это, конечно, действует как-то на ребенка, на психику. То есть он вышел в открытое, даже в тот же город, он чувствует, мне так кажется, что он оглядывается, и ему кажется, что все на него смотрят, что он из детского дома".

Например, эксперты (сотрудники системы образования) в Алтайском крае нам сказали, что у них вообще нет закрытых учреждений. Директор одного из детских домов Барнаула был потрясён тем, что где-то в России дети учатся там же, где и живут – "это ужасно!"

Людмила Алексеевна, завуч детского дома: "Сейчас в Барнауле вообще нет такого, чтобы дети из детских домов учились там, где живут. Все учатся в обычных школах. Там к ним хорошо относятся, нет различия детдомовский ты или нет. Их не отличишь, они иногда одеты лучше, чем домашние. ...Наши дети учатся в городской школе, и сами туда ходят, по улице, по городу... Когда дети учатся и живут в одном месте – это плохо. Это удобно персоналу. Ну а дети, у них круг ограничен. Яша, наш мальчик, очень большой мальчик. Дружит с мальчиком из богатой семьи и задаёт вопрос: "А почему этот мальчик богатый? Зачем мама меня родила, что-

бы я был в детдоме?" Очень сложно и так сложно, и так. Но уж лучше так. Пусть видят, как живут, и чтобы жить богато, надо работать".

Людмила Алексеевна считает, что ради блага детей, их ранней адаптации, воспитатели, педагоги должны идти на жертвы. Должны использовать любую возможность изменить условия обучения и воспитания детей к лучшему.

Среди руководителей детских учреждений есть сторонники и противники каждого типа школ-интернатов. Что интересно, каждый защищал именно тот тип, в котором работал. Директора учреждений закрытого типа были яркими сторонниками именно такой формы устройства детей – удобно, всё рядом и все дети на виду, все под контролем. Не секрет, что с детьми из детских домов бывают проблемы в обычной школе. Но, как правило, такие проблемы бывают у первого поколения, пришедших на обучение в школу. После преодоления барьера привыкания, дети вливаются в коллектив.

Злата, 18 лет, Барнаул: "Мы раньше учились в одной школе, но потом, наши дети слишком достали тех детей, и нас перевели в другую школу. Я бы не сказала, что наши дети сильно противные и вредные. Мне, например, пришлось дело кулаком решать, чтобы девчонки не задирались. А девчонки все нежные, естественно, мамины дочки. Они сразу пожаловались. Но потом меня стали просто уважать, прислушивались к моему голосу. Но я не старалась выделяться".

Второй девочке не пришлось ничего доказывать подругам и самоутверждаться среди них, проблемы были с противоположным полом. **Наташа**, 17 лет, Барнаул: "Ходим в обыкновенную школу, со всеми нормальными отношениями. Вот, мои девчонки, с которыми я общаюсь, меня сразу приняли, я со второго класса там. Они меня не считают, что я из детского дома, за свою считают. А с мальчишками – никак. Они меня из детского дома считают".

Были и такие интернаты, которые пробовали обучать детей в общей школе, но вынуждены были отказаться от подобной практики после первых неудач.

Наш опыт показывает, что по выпускникам детских учреждений всегда можно определить, в каком типе школы он обучался, открытой или закрытой. Одни более свободны, раскованны, самостоятельны, их речь более грамотна, они оканчивают школу, имея некоторый жизненный опыт. Им легче знакомиться, общаться с людьми, устроиться на работу и сориентироваться в новой ситуации. У таких детей появляются друзья, которые могут их поддержать и после окончания школы, родители друзей могут посодействовать в поисках работы.

Можно ли считать закрытость детских учреждений ограничением свободы или более жёстко – произвольным лишением свободы⁵⁰ [79; 80; 81, статья 9]? Судя по ответам респондентов – сирот, которые воспитывались в таких учреждениях, – можно. Наша страна не находится в таком (чрезвычайном) положении, которое требует или допускает изоляцию детей от внешнего мира. Более того, в этом нет необходимости⁵¹ [81, статья 4; 82].

Последние годы неправительственные организации по правам человека борются за то, чтобы детские учреждения стали прозрачными для общества. Несколько общественных организаций разработали специальную программу и выступили с предложением к правительству создать институт общественных инспекторов. "Общественный инспектор должен быть наделён правом входить в детское учреждение без предупреждения и общаться с детьми без свидетелей"⁵². Проведённое нами исследование также подтверждает необходимость работы независимых наблюдателей-экспертов в детских учреждениях.

Реакция директоров детских домов и школ-интернатов на возможную институционализацию общественных инспекторов неоднозначна.

Приведём два типичных ответа. **Директор, Курская область**: "Я не знаю. Я отношусь крайне негативно к этим контролирующим органам. Можно прийти в любой интернат и подойти к детям без воспитателя, можно найти что угодно. А они вчера повздорили. Так могут такое порассказать. Всякое бывает. Мы разбираемся, легонечко наказываем. А эти органы, если выявят этот случай, могут такое поднять, что это тяжело отразится и на детях и на сотрудниках".

Директор, Казань: "Пусть, пожалуйста, приходят. У нас рукоприкладства нет. Хотя, я Вам откровенно говорю, что хочется врезать. Живые люди. Мы можем многое говорить, но один раз можем произвести действие. А вывести элементарно. Вот, сегодня у меня идёт урок. Сидит, я спрашиваю, где же твоя тетрадь. Он взял и выдернул лист. Так же нельзя. Я бы хотел взять и щёлкнуть тебя по носу, но ведь и этого нельзя. В ответ слышишь: "А попробуйте, я сейчас уже пошёл жаловаться в РОНО". Ничего не скажешь, ничего не сделаешь. Был такой случай, несколько лет тому назад, я только начал работать. Кто-то приходил и гадил в коридоре. Я всех построил в коридоре и сказал, пока не признаетесь, не отпускаю."

⁵⁰ Право не быть произвольно лишённым свободы является одним из основных прав человека, признанным во Всеобщей декларации прав человека [79], в Конвенции о правах ребёнка [80] и в Международном пакте о гражданских и политических правах [81].

⁵¹ Отступления от положения о праве на свободу допускаются только "во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой" [55, статья 4], однако недостаток финансовых или технических ресурсов сам по себе не составляет такое чрезвычайное положение [82].

⁵² "О необходимости создания независимой инспекции по контролю за соблюдением прав детей". (Материалы к заседанию Межведомственной комиссии по координации работ, связанных с выполнением в Российской Федерации Конвенции ООН о правах ребёнка и Всемирной Декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей.) // www.openweb.ru/p_z/

Больше трёх часов стояли. Я ничего не добился, но жалобу я получил. Они тут же побежали в РОНО и министерство. Тут же звонки: "Ты, что там рукоприкладством занимаешься! Это не педагогично!" Ну, тогда приходите и сделайте педагогично. Дети свои права прекрасно знают".

Была воспитательница. Она взяла веник и: "Ух я тебе этим веником". Он пожаловался. Прокурорская проверка была. Я был в отпуске. Прихожу – педсовет. Она уволилась. Они всё продадут (*о детях*⁵³). Любого. В любой момент со всеми потрохами. Много у нас всего и не знаешь порой, какое решение принять нестандартное".

Несмотря на то, что директора по-разному относятся к возможному нововведению, в их ответе явно улавливается одна тревога: смогут ли проверяющие быть объективными, разобраться в проблемах воспитания в каждом конкретном учреждении и с каждым конкретным ребёнком. Чтобы эксперт мог работать в детских учреждениях, он должен не просто любить детей, а быть юристом, педагогом и психологом. С другой стороны, пугает предубеждение в отношении системы образования и третьего сектора. По крайней мере до 2000 года не найдены оптимальные точки сотрудничества, это подтверждает проведение первого общероссийского семинара-конференции по формированию общественной системы защиты детей, оставшихся без попечения родителей, возрождению движения опекунских и приемных семей, проблемам профилактики сиротства в Москве⁵⁴, которая вылилась в один сплошной спор представителей двух сторон.

5.6. Образование детей-сирот

В цивилизованном и развитом обществе образование является одной из основных ценностей и рассматривается как наиболее вероятный путь вертикальной мобильности. Здесь можно вспомнить три тезиса: 1) существование неравного доступа к образованию для людей с различным классовым происхождением; 2) возможность приобретения классовой позиции посредством образования; 3) определяющая роль образования в процессах классового воспроизводства и мобильности [83].

Для одиноких людей (сирот) образование может быть единственной возможностью изменения своего социального статуса и переходом к новой ступени общественной иерархии. То, что образование и получение профессии зависит от стартовых (статусных) позиций, сироты доказывают вполне убедительно. Меняются причины пополнения детских учреждений, меняется и контингент сирот, следовательно, меняется и возможный будущий социальный статус выпускников школ-интернатов.

Первые детские дома для сирот должны были обучать детей грамоте, наукам, ремеслу. Кроме того, детей, попавших в воспитательные дома, передавали на обучение к мастеру, где приобреталась профессия [1]. Таким образом (в услужении) получали профессию самые бедные (низкостатусные) дети. По Указу Петра I⁵⁵ "малолетних нищих и ребят, бив батоги, посылать на суконный двор и к прочим мануфактурам" [1]. "Процесс роста суконного производства и мануфактур требовал рабочих рук, потому владельцам было выгодно использовать дешёвый труд малолетних из числа беспризорных и детей-сирот. В то же время – это было основным их средством выживания и пропитания, получения профессии". Некоторых достигших десяти лет детей отдавали в матросы [4, с. 8-9].

Затем, во времена правления Екатерины II, в воспитательном доме планировали создать "новую породу людей", "третье сословие", которые бы смогли служить отечеству⁵⁶ "делами рук своих в различных искусствах и ремёслах" [3].

В последнем случае у сирот была возможность повысить свой статус, при выходе из воспитательного дома из крепостных они становились вольными людьми. Более того, питомцы или питомицы могли повысить статус и своего супруга, если выходили замуж или женились на крепостных. Супруги сирот становились так же вольными [84, с. 276].

Реализация идеи "третьего сословия" не удалась, и детей стали передавать в крестьянские семьи. Но и после этого форму заботы о детях меняли несколько раз⁵⁷. В XVIII – XIX вв. Государственные и частные учреждения "ставили своей целью воспитывать достойных, способных обеспечить себе средства к существованию и вести достойную жизнь граждан. Они готовили представителей различных сословий и разных специальностей от крестьянина до гувернантки, учительницы и будущих офицеров, не заканчивая дело только выпуском из благотворительных учреждений или обучением какой-либо профессии" [4, с. 16].

Можно сказать, что у детей-сирот на протяжении истории призрения была возможность повысить свой статус в государственном учреждении относительно судьбы безродного бродяги. Такая возможность была за

⁵³ Примечание автора.

⁵⁴ "Общественная система защиты сирот. Профилактика сиротства в Москве: проблемы и решения" 17 февраля 2000 года, в четверг, в 15 часов, в интернате No 24 по адресу: Москва, ул. Каховка, д. 2. Семинар проводился Международным общественным движением "Добро — без границ" при участии лидеров общественных организаций, журналистов, общественных активистов, профессиональных педагогов, психологов, организаторов, руководителей образования и социального обеспечения округов Москвы, образовательных и специальных учреждений, при поддержке Комитета образования Правительства Москвы.

⁵⁵ Указ от 20 июня 1718 года.

⁵⁶ См. подробнее В.В. Беляков "Сиротские детские учреждения России". М.: Дом, 1993. С. 9-10.

⁵⁷ См. подробнее В.В. Беляков "Сиротские детские учреждения России". М.: Дом, 1993.

счёт льгот государства и за счёт образования или профессии, которые обязательно старались дать сироте в воспитательном или патронатном учреждении.

Дети, ставшие сиротами в результате репрессий в сталинские времена или в результате Великой Отечественной войны, особенно те, кто знали о высоком статусе родителей или имели хорошие задатки в воспитании и образовании, как правило, имели ориентацию на получение образования выше среднего специального. Однако не все имели возможность реализовать свой потенциал⁵⁸.

Более десяти лет назад страна, во-первых, нуждалась в кадрах на непрестижные производства, в крупных городах проблема рабочих рук решалась за счёт "лимитчиков", а по результатам нашего исследования, можем сказать, что и за счёт выпускников-сирот. Во-вторых, была развита широкая сеть профессиональных училищ. Рабочая профессия обладала большей, чем сегодня, престижностью и привлекательностью, хотя бы в силу того, что рабочий имел возможность зарабатывать больше инженера. Советский Союз был страной основного почётного класса – рабочего. Поэтому статус сироты и рабочего не мог быть столь непрестижным, как это стало сейчас. Можно сказать, что школы-интернаты были кузницей привилегированного класса рабочих. В стране приветствовалось вступление в коммунистическую партию, прежде всего, представителей рабочего класса, а следовательно, для него были открыты и каналы социальной мобильности. По крайней мере, такие как партия, партийная (комсомольская, профсоюзная) школа, а затем административное управление.

Кроме этого, предприятия поощряли продолжение учёбы и повышение образовательного уровня на всех этапах. Поэтому учеников на производстве и молодых рабочих просто заставляли получить хотя бы среднее образование в вечерней школе, а при необходимости и желании, у молодых людей не было препятствий в получении бесплатного дневного, вечернего или заочного образования в техникуме или в институте. Ко всему прочему, добавлялись льготы тем, кто уже имел производственный стаж, мог представить хорошую трудовую характеристику и, тем более, имел направление с производства. Всё это давало возможность не просто получить образование, но и приобрести ценности, связанные с ним: доход и должность (например, из рабочего стать мастером и т.д.), власть, престиж. Сегодня доминирует роль предпринимателей, а социальный статус и материальное положение рабочего класса стало эфемерным и нестабильным, что породило целый комплекс, связанный с неуверенностью в сегодняшнем и завтрашнем дне [85, с.14].

Учитывая престиж образования, семья инвестирует в знания ребёнка, с уверенностью, что эти затраты должны окупиться. В детских государственных учреждениях в режиме экономии, средства расходуются на выживание детей, т.е. на их материальную поддержку. Тем самым решаются сегодняшние задачи, но не реализуются планы завтрашнего дня. Это естественный принцип выживания бедности. Поэтому у детей-сирот сегодня слишком мало шансов вырваться из своего круга. Закрылись прежние каналы социальной мобильности, но и новые стали недоступны. Например, появилось много коммерческих образовательных курсов, которые не берут льготную категорию молодёжи учиться бесплатно. Однако, как правило, именно коммерческие курсы более гибко меняют свою образовательную программу в зависимости от потребностей рынка труда.

Важный фактор образования – преемственность, воспитание ценностных установок на стремление к знанию, постоянное общение и занятия с ребёнком.

Некоторые воспитанники детских домов вспоминают дошкольную подготовку и оценивают её положительно (на сколько мы можем считать такую оценку объективной). Мы приведём в качестве примеров несколько нарративов одного из выпускников школы-интерната.

Олег, 27 лет: "У большинства были хорошие оценки в младших классах. Предшкольная подготовка, видимо, очень хорошая была. В детском доме хорошо учили. Читать, лепить, даже буквы складывать. То, что надо было сделать в первом классе, мы всё могли делать: писать, считать, по труду справлялись. Большинство в классе, даже я, заикаясь, справлялись на пятёрку. Я считал до 39 слов в минуту. А старше стали так себе учиться. В классе постоянно было один-два отличника и человек пять-шесть – ударники. А остальные троечники".

Олег считает, что к школе его готовили вполне ответственно, поэтому в начальных классах он учился хорошо.

Олег: "В марте месяце наша школа закрывается в связи с аварийностью здания. Нас распределяют по интернатам Татарстана. Получались группы, которые дополняли другие школы. Мы попадаем в Набережные Челны. Мы начали на уроках свои права качать, пользовались этим переездом, чтобы не учить уроки. Крутились, вертелись, обманывали. На экзаменах вопросы дали полегче. Нас вытянули всех. По любому нас бы вытянули. Слабенькую тройку, но всё равно поставят".

До тех пор, пока было легко заниматься с детьми, и требовались не столько знания, сколько навыки, с детьми занимались. Когда с детьми стали заниматься только во время уроков, предоставляя их самим себе, знания у детей резко снизились. Послабления в учёбе начались в старших классах. Основной контингент ребят готовили к поступлению в профессионально-техническое училище. Для этого не нужны были знания или хорошие оценки.

⁵⁸ Мы знаем случай, когда два брата попали вследствие репрессии родителей в детский дом: одного усыновили и он, полностью изменив биографию, смог получить высшее образование. Второму, как сыну врага народа, в поступлении в высшее учебное заведение было отказано. Были и такие случаи, когда после пребывания в детском доме молодые люди искренне отказывались от своих репрессированных родителей.

Олег: "Параллельно учёбе в училище и практике мы учились в школе рабочей молодёжи. Какое-то время ходили туда. Потом стали прогуливать. Наши мастера стали извороты придумывать, ставили такие условия, что мы Вам не дадим талоны на питание, если вы не пойдёте в школу. Стипендии они нас не могли лишить. В оконцовке они всё равно нам давали талоны за все дни. Кто-то до конца доучился. Но как я понял, большинство у нас бросили на девятом или десятом классе. Кто-то год проходил, кто-то два. Я год проходил, двойки получил и больше не ходил туда".

Успехи в учёбе у Олега закончились в младших классах. Если в течение последних лет до окончания школы с ребёнком серьёзно не заниматься, то в вечернюю школу он приходит без знаний. Если учесть, что учёбу в школе рабочей молодёжи приходится совмещать с работой, то можно понять тех ребят, которые не хотели учиться. Тем более парни знали, что скоро их должны призвать в армию, которая окончательно выветрит небольшие знания, полученные в старших классах.

Далеко не во всех школах есть индивидуальный подход к детям, тщательная проверка выполнения заданий, дополнительные занятия и т.д. Многие выпускники отмечали, что с учёбой их не "напрягали", каждый учился и как мог, и как хотел. Причём послабления в учёбе начинались, как правило, в старшем возрасте, когда, наоборот, необходимо ориентировать на получение знаний и продолжение учёбы.

Некоторые респонденты указывали на то, что учились очень хорошо, однако не могли оценить реальность своих высоких оценок. Результаты формализованного интервью об успехах в учёбе и об отношении к учёбе приведены в таблицах 10, 11.

Таблица 10

Как Вы учитесь? (отметьте только один пункт)

Успеваемость, N=391	%
1. Преимущественно на "5"	1.0
2. На "4" и "5"	26.6
3. Преимущественно "хорошо"	36.8
4. Преимущественно "удовлетворительно"	32.2
5. "Плохо"	3.3

Лучше учатся те респонденты, которые реже болеют (0.144*)⁵⁹, не курят (0.198**) и не пробовали спиртные напитки (0.105*). Любят учиться, прежде всего, те, кто хорошо учится (0.206**).

Таблица 11

Как Вы относитесь к школе, учёбе?

(данные дихотомии: 1 - "Да", 2 - "Нет", приводятся утвердительные ответы), %

1. Люблю учиться	73.1
2. Учёба даётся легко	31.6
3. Мне необходима помощь в подготовке домашнего задания	68.0
4. Учёба очень тяготит	41.9

После окончания школы большинство наших респондентов пришли к выводу, что общий уровень образования в школе – низкий. В учреждениях "закрытого" типа отсутствовали все или некоторые важные факторы, необходимые многим сильным ученикам: требовательность, дополнительные занятия, ориентация на более сильных одноклассников и возможность состязаться в знаниях. Исследование, проведённое в 1990 году, показало, что замкнутый тип функционирования учреждений не даёт возможности для дальнейшего развития предметных предпочтений [13, с. 66]. По сути дела, всех или большинство сирот продолжают готовить для получения рабочих специальностей. Если с детства не вырабатывать стремления к изменению своего статуса, то у подростков такой потребности и не вырабатывается. Когда в последний год обучения молодых людей вдруг начинают уговаривать поступать в высшее учебное заведение или техникум, то преподаватели удивляются тому, что выпускник хочет идти в ПТУ вместе с большинством. Директор одного из интернатов говорит: "Девять классов заканчивают. У нас пока не получилось, чтобы дальше учились. Были ребята, которым я предлагал военное училище, институты, техникумы. Также предлагал обучение в других школах, в нормальных условиях. Где бы они адаптацию проходили. Но на сегодняшний день этого не получается. Я в одно время даже разговаривал с военным училищем под Ленинградом (вертолетное училище) и готовил своих ребят к тому, чтобы они туда поступили. Время наступило, 9 классов закончили и дальше учиться уже не хотели". Большинству подростков до такой степени надоедает казённая жизнь и контроль, что они готовы идти куда угодно и как можно скорее.

Результаты количественного исследования показали, что высшее образование – наиболее привлекательно для детей-сирот, именно о нём мечтают большинство респондентов. По данным дихотомии (1 — "Да") 82.4% подростков ответили, что мечтают получить высшее образование! По данным множественных ответов, высшее образование стоит на первом месте – 36.1% (табл. 12). Высшее образование хотят получить те респон-

⁵⁹ Здесь и далее по тексту приводятся коэффициенты корреляции Пирсона, * — корреляция на уровне значимости 0.05, ** — 0.01.

денты, которые хорошо учатся (0.105*), мальчики (0.132*), те, кто любят участвовать в общественной жизни (0.180**).

Таблица 12

Ваши планы на будущее (респонденты настаивали на нескольких ответах, например, говорили о том, что сначала можно окончить техникум, но потом поступить в вуз)

Мнение респондента	% от ответов
1. Считаю, что человеку не обязательно иметь образование	11.2
2. Хочу пойти учиться в училище	31.0
3. Хотел бы поступить в техникум	21.8
4. Хотел бы получить высшее образование	36.1

Многофакторный дисперсионный анализ (табл. 14) подтверждает то, что те, кто учится хуже, думают о продолжении учёбы в профессионально-техническом училище, их учёба тяготит. Учёба даётся легко успевающим ученикам. Выше свои успехи в учёбе оценивают девочки. Отстающие ученики раньше начинают курить.

Многофакторный дисперсионный анализ
Зависимая переменная "Как вы учитесь?" 1 – преимущественно на "5",
5 – плохо

Независимые переменные	Кэф-фици-ент	Стан-дартное откло-нение	Значи-мость
Константа	3.949	0.298	0.000
Учёба даётся легко (1 — "Да")	0.626	0.156	0.000
Учёба очень тяготит (1 – "Да")	-0.292	0.140	0.039
Хочу пойти учиться в училище (1 — "Да")	-0.312	0.138	0.025
Возраст начала курения	-.054	0.022	0.016
Пол (1 – мужчины)	-0.317	0.128	0.014

Доверительный интервал – 95%.

Были и такие респонденты, которые вообще не хотели учиться даже до восьмого класса. И сейчас они не понимают, зачем им все те знания, которые предусматривает школьная программа, в жизни они не пригодились. В жизни пригодилась школа выживания, быстрой адаптации, которой у многих сирот так же нет, несмотря на частые переезды и смену обстановки. Более того, формировалась неприязнь и даже ненависть к учёбе.

Юра, 24 года, Москва (дважды сидел в тюрьме): "Учёба очень скучная (*подумав*), в ней очень много ненужного. Зачем мне знать, в каком году родился Пушкин. Если мне надо узнать, я пойду и посмотрю. Зачем мне сидеть за партой и долбить. У нас обучение идёт неправильно, оно давит на человека. От этого дети нервные становятся. Как сейчас помню, нас заставляли учить, от этого весь на нервах".

Ирина: "А нет. Нас, мы уже, фабрика нас, обувное предприятие, швейные машинки, мы знали, что мы будем работать, учиться мы не думали. Мы думали, что отучились свое, все".

Возможность учиться посредством устраивала тех детей, которые рассчитывали только на получение рабочей специальности и не строили планов поступить в высшие учебные заведения или даже в техникумы. Но дети, которые имели способности и хотели получить образование выше среднеспециального, в зрелом возрасте очень осуждают отсутствие хорошего среднего образования в своей школе-интернате. Например, **Сергей**: "Если я имею навыки математики, почему я должен учиться в общей школе-интернате, а не в математической. Если я имею общие навыки физической подготовки, лучше, чем у других, или другие способности, почему я должен учиться в школе – интернате, а не там, где этому уделяют больше времени? Есть директор учреждения, есть социальные педагоги, которые должны выявить у него эту склонность, как родители у своих детей, и определить туда, куда он хочет. Почему бы нет?"

В 1996 г. из 186 воспитанников 35 продолжали обучение в 10 классах, 15 человек — в средних специальных учебных заведениях, 128 человек — в учреждениях начального профессионального образования. В 1997 году из 120 выпускников двое поступили в высшие учебные заведения, шесть – в средние специальные учреждения, 112 – в учреждения начального профессионального образования [70].

Высшее образование получают единицы. Руководители и сотрудники, работающие с детьми-сиротами, объясняли (в интервью) этот факт тяжёлой наследственностью (родители-алкоголики, наркоманы). Эксперты с сожалением говорили о том, что детей с плохой наследственностью становится больше год от года. Действительно, есть детские дома, где выпускники, лишившиеся родителей в результате Великой Отечественной войны, репрессий, получали высшее образование гораздо чаще, чем современные сироты. Пусть даже после учёбы в профессионально-техническом училище или после получения стажа работы, после службы в армии.

Баркова Лидия Дмитриевна, Бывший директор детского дома № 8 Барнаула, говорит о 1960 году: "Детский дом имел почти всегда полную успеваемость. Ребята у нас были гораздо легче, чем теперь".

Сегодня, если ребёнок попадает в хороший детский дом, то там с ним начинают заниматься с детского возраста, готовят к первому классу и дают возможность получить образование, как и любому среднему ребёнку, воспитывающемуся в семье (это касается, прежде всего, детей-сирот, которые учатся в обычной школе вместе с детьми из семей). Очень важно и то, с какими воспитателями общаются дети. Например, у выпускников некоторых детских учреждений очень неразвита речь. Это последствия общения в изолированном пространстве, где воспитатели, во-первых, сами говорили с массой ошибок, во-вторых, вообще редко общались с детьми. И это очень наглядно демонстрируют выдержки из интервью наших респондентов.

В "делах" выпускников школ-интернатов, мы нашли характеристики, которые давались детям на каждом году обучения. Особенно наглядны характеристики, которые в конце учебного года писали разные воспитатели на протяжении ряда лет. Например, в характеристике Виктора ежегодно отмечаются его успехи. Но, начиная с третьего класса, говорится о спаде интереса к учёбе и снижении успеваемости. Создаётся впечатление, что ребёнок достиг уровня тех людей, которые писали его характеристики. Все тексты написаны с массой грамматических и стилистических ошибок. Если дети общаются только с такими воспитателями, то сами никогда не будут говорить грамотно или начнут, но достаточно поздно. Это результат проблемы с кадрами, которые трудно подбирать как в сельской местности, так и в городе.

В ходе исследования мы встречались с некоторыми респондентами на протяжении пяти лет и могли видеть, как меняется их речь. При первой встрече трудно было понять, что хотят сказать эти люди, но целеустремлённые респонденты сделали карьеру и говорили грамотнее с каждым годом и с каждой ступенью в карьере.

Ещё интересная практика, на которую следует обратить внимание, состоит в том, что сироты не всегда могут продолжить обучение в школе до 11 класса. Что значительно может осложнить возможности образовательной мобильности. **Александр**: "Ну, кстати, 9-й класс я закончил достаточно хорошо. По математике даже «5» на экзамене получил. Я хотел остаться в 10-м, но меня не оставляли, так как у меня мать была не лишена родительских прав. После 9-го класса меня не хотели оставлять, в общем. Воспитательница, которая была с 1-го класса, она, конечно, со слезами просила директора, чтоб меня оставили. Ну, куда после 9-го класса – в училище, а в училище никаких перспектив далее не видел".

Александр повезло, его оставили учиться в 10 классе (после того как он добился, чтобы матери ограничили дееспособность), и он поступил в университет. Александр учился в сильной школе-интернате, где из каждого выпуска более половины ребят поступают в высшие учебные заведения.

Специалисты обращают внимание на то, что за последнее десятилетие вообще изменился состав выпускников средних (полных) школ: доля выходцев из нижних социальных слоёв сократилась более чем вдвое [86]. Подобные процессы происходят и среди сиротских классов, когда большинство подростков уходят в ПТУ. Отмечается, что в учебные заведения начального профессионального образования в 90-е годы поступало всё меньше молодёжи, поскольку такие заведения не особо привлекательны для выпускников 90-х годов [87]. Мы бы могли добавить, что в такие учебные заведения поступало всё меньше молодёжи, которая могла выбирать учебные заведения, однако сирот это не касается.

Иная ситуация складывается в тех интернатах, где детей избивали. Там подростки думали, прежде всего, о том, чтобы скорее избавиться от опеки и стать самостоятельными, неважно, где и как. Но и эти молодые люди с сожалением вспоминали годы учёбы в школе, которая не нацеливала на продолжение обучения.

Подросток жил в двух мирах: каждый мир требовал игры по правилам. Учителя не знали, что происходит с ребёнком в интернате, а воспитателей не интересовали успехи в учёбе. От воспитанников требовали дискретности: неважно, что у тебя произошло в период досуга, но в школе или при выполнении уроков, надо забыть обо всём. Но для детей это было невозможно.

Андрей: "Вот в школу идешь и постоянно думаешь, что тебя опять будут бить сегодня, и все знания уже не интересуют, а интересуется только вот это. И из-за этого у нас торможение очень сильное, у нас затормозилось. И у нас пробелов полно, и знание не пошло, и мозг, и нервная система не как нужно выросла. Ведь развивается человек – и мозг и мышцы, и нервная система растет, а этот не растет. Преподаватели недовольны были, что мы не соображаем. Почему не соображаем? А они сами не понимали, что нас избивают, и этим мы тормозимся. Мы живем – у нас вырабатывается определенный рефлекс страха. У нас очень сильные комплексы появились. Доходит до того, что спишь, ложись – как бы не зашли, как бы не избивали. Вот настолько. Мы вышли после таких побоев, после таких жестокостей, злостей, готов любого загрызть, чтоб не трогал...".

Участники фокус-группы без наводящих вопросов вышли на проблему образования, как продолжение воспитания и побоев, 1-й участник, сирота: "Человек, когда его избивают, он плохо развивается, плохо растет, вообще нервная система уже не так, как нужно, растет. И плохо учатся. Учителя уже в нас и книги кидали, как

только не обзывались. Старались нас просто на работу выкинуть и все. Потому что они уже видели – человек бракуется в этом отношении и не может уже..."

2-й участник: "Старались просто избавиться от нас по окончании..."

1-й: "Нет, они не старались..."

2-й: "Старались, старались..."

1-й: "Нет, подожди. Учителя уже видели, что у нас не получается, мы даже стихи не можем. И зачастую нас на работу и кидали. А там уже, действительно, шло торможение в развитии и никакого... То есть в буквальном смысле разрушили человека от и до. Если бы они этих старших не пускали и не позволяли такое, человек бы еще мог в жизни найти дорогу, мог бы будущее себе создать. Но после таких вещей, если человек такой дылда, а он шизофреник еще, мозг такой короткий, где он не может соображать, не может понимать вещи даже элементарные, в этой жизни даже в такой быстроразвивающейся, как говорится, жизни в Казани, он не сможет найти свое положение и двигаться по нему. Только в деревне. Потому что у него вся циркуляция нервной системы уже подготовлена, и он может только в этом ориентироваться. Но у каждого есть душа, есть мысли и они закладываются от родителей и они свое толкают. И каждый пытается как-то в этой жизни определить..."

Замкнутый круг – так можно охарактеризовать ситуацию в интернате, где воспитывались и учились участники фокус-группы. Ребят постоянно били и они не могли нормально учиться. С другой стороны, они часто направлялись на работы вместо учебы и в конечном итоге вообще не получали нормальных знаний. Некоторые интернаты не могли подготовить ребят даже к получению рабочей специальности.

Ринат: "Качество обучения очень плохое. Многих предметов нет. Физики нет, химии нет. Этого вообще не было. Говорят, что мы не можем соображать головой. Нас считают, что мы неполноценные дети. Я не могу сказать, на чём это основывается. Дай мне химию или что посмотреть, я даже не разберусь в этом, потому что я не проходил этого в школе. Сейчас мой ребёнок будет учиться, я даже не знаю, как я ему объяснять всё это буду. У нас всего было шесть предметов: русский, математика, история, ботаника и всё. Даже четыре. Но география, пение, чтение. Я не считаю это за предметы уже."

Даже я могу сказать, что ребёнок обучается там и не знает ботаники или химии, а чтобы ему прийти сюда, и поступить в институт – это ему ещё сложнее будет".

О системе ориентации на образование и получение образования один из экспертов министерства образования объяснила так: если есть в интернате человек, который болеет за детей, то с детьми будут заниматься, стремиться дать им образование в школе и дальше, а если нет такого человека, то о детях никто заботиться не будет. Стало быть, речь идёт не о системе, а о случае, в котором ребёнку может повезти или нет.

5.7. Выбор профессии

Профориентация и выбор профессии – эти процессы должны начинаться задолго до окончания школы. Сегодня это особенно актуально, потому что возможности переучиваться, повышать квалификацию (несмотря на законодательное закрепление льгот) у ребят, скорее всего, не будет.

Эксперты, которым приходится заниматься проблемами переобучения и трудоустройства ребят, говорят о том, что они, как правило, не конкурентоспособны на современном рынке труда. А полученные профессии – невостребованные. Ситуация усугубляется на общем фоне безработицы.

Алексей Иванович Головань, директор Центра “Соучастие в судьбе”: "Очень серьёзная проблема профориентации, и ею никто серьёзно не занимается. Длительное время, особенно в последние годы махрового застоя, мальчиков отправляли обучаться на строительные специальности, а девочек на ткацкое производство. Дифференциации, индивидуального подхода в принципе не было. Просто директору было удобнее, проще отвезти в одно место и оставить. В Москве больше выбора, а в Подмосковье уже другая ситуация. Куда проще, где прокатана дорожка, туда и отправляли ребят: мальчиков – каменщиками, девочек – штукатурами. По большому счёту это и сейчас работает, но сейчас появилось больше всяких возможностей. Сейчас появились негосударственные образовательные учреждения, которые предлагают, давайте мы возьмем ваших ребят, поучим. Появились и службы занятости, которые некоторым образом решают эту проблему, но все равно системного подхода в этом нет."

Когда ребёнок воспитывается в семье, родители задолго до его окончания школы начинают рассуждать, чем ребёнок будет заниматься после получения среднего образования. С этими же ребятами никто не ведёт разговоры. Для них престижно попасть на работу в коммерческий киоск, хотя для нормального человека очевидно, что это тупик. Там не требуется никакого нормального образования, и перспективы никакой нет.

Я считаю, что выпускники должны получать конкурентоспособную специальность, чтобы они могли в любой момент выехать на своих знаниях, на умении что-то делать руками. Для того чтобы ребята могли что-то выбрать и престижное, и по интересам, необходима специальная работа, тестирование, которое могло бы определить склонности. Надо говорить ребятам, что у тебя склонность к этому, наука показывает, тесты, а ты, извини, но дальше этого не пойдёшь. Ребята с удовольствием будут слушать советы и узнавать о своих способностях. В детских домах этим надо заниматься. День прошёл и ладно, а что будет с выпускниками через полгода – никого не интересует. Надо ставить вообще вопрос о реформировании сиротских учреждений и по смене критериев работы".

На наш взгляд, говорить об отсутствии профориентации вообще – нельзя. К учащимся выпускных классов, по крайней мере, в 80-е годы и ранее, приезжали представители профессиональных училищ, иногда даже из других регионов и приглашали к себе учиться. Особенно это касалось ткацких производств, которые постоянно нуждались в рабочих. Именно с этими производствами крупные города связывают понятие лимитчиков. Вместе с лимитчиками трудились и сироты.

Как трагедию можно расценить тот факт, что детей, не спрашивая, увозили на производства, где требовались рабочие руки. Например, на некоторые производства несколько лет подряд могли вывозить выпускников одной и той же школы.

Аня: "Я только знаю, что нас привезли, за нами из города приехали. Мы даже еще экзамены не успели... Вот я помню, в мае, даже в мае. Мы экзамены не успели еще сдать, закончить, и уже за нами приехали. Неожиданно приехали из Казани и неожиданно, вот мы сидели в клубе кино смотрели, и из города начальник приехал. Не начальник, в очках такая женщина хорошая. Директор. И вот. Она за нами приехала и говорит: "Давайте, 8-й "В", давайте собирайтесь". Как в город? Мы еще сами, ничё еще, и новое ничё, мы еще не собрались, как положено. "Айда, быстрее-быстрее". Тут начали воспитатели бегать, собирать, там, ну новые вещи получать. (Вопрос. *А планы насчет дальнейшей учебы строили?*) Да, я раньше строила. Ну я хотела учиться, да. Я хотела в это, в медицинское. У меня такое, знаешь, такое желание было. А они... Я говорю, хочу, я даже один раз в городе сказала, что хочу учиться в медицинском институте, на медсестру. Я не хочу на фабрике. "А, чё тебе не хватает на фабрике, работай, знай, кто тебя возьмет, ты из интерната кому нужна? В интернате у тебя образования нет". Вот так мне говорили. Начальник. Как, а если у меня желание, если я хочу учиться. Разве нельзя? — «Нет, нельзя»".

Возможно, Ане и не стоило пытаться поступать в медицинское училище. Но если бы она попробовала, хуже бы не стало. На фабрику, куда её привезли, она бы успела всегда. Похожую историю повторили несколько наших респондентов. Подобное обучение и обеспечение работой можно расценить как акт насилия.

Аня училась неважно, но подобные случаи происходили и с теми ребятами, которые могли рассчитывать на свои силы при поступлении в те учебные заведения, в которые хотели.

Например, **Сергей** уже в четырнадцать лет был очень целеустремлённым человеком и мечтал поступить в речной техникум: "Вообще-то нас не спрашивают. Когда оканчивали школу, нас всех отправили по разнарядке в училище в Казань и оставили здесь учиться. Я хотел поступать в речной техникум. Я не был допущен к экзаменам, потому что документы мои не пришли, хотя я несколько раз ездил в интернат. Просил документы, но мне их не дали. Их отослали в училище. И мне пришлось идти в училище. В 30-е профтехучилище, на сварщика. Сирот особо не спрашивают, ну спрашивают, кем хотите, либо плотником, либо сварщиком. Выбор небольшой. Весь наш выбор настолько велик, сколько профессий в строительном училище – не больше. Может быть, сейчас уже по-другому. Мы в интернаты ездим, и нам говорят, как будто бы их спрашивают перед окончанием и дают направления".

В отличие от Анны Сергей доказал, что у него действительно были способности к обучению, и через несколько лет он продолжил учёбу в институте. Сейчас занимается бизнесом, оказывает юридические консультации. Очень сожалеет о том, что школа-интернат предопределила ему судьбу рабочего.

В конечном итоге одни респонденты получили образование благодаря тому, что государственная система призрения о них позаботилась, другие – вопреки ей.

Выпускники школ-интернатов (в том числе и наши респонденты) представляют все ступени образования, получение которого можно свести к следующим возможностям:

- 1) "куда хотел, туда и пошёл";
- 2) "хотел по другой специальности, но побоялся, что слабые знания";
- 3) "хотел, был уверен в своих силах, но не разрешили";
- 4) "поступил по желанию, но не смог учиться".

Возможности любого школьника можно описать подобными моделями. Среди выпускников школ-интернатов (в том числе и наших респондентов) представлены все ступени системы образования. Возможно, в самой выгодной ситуации сегодня находятся жители крупных городов, у которых максимальный территориальный выбор учебных заведений. Проблемы, скорее у тех, кто для получения образования вынужден покидать стены родного дома. Они должны будут жить на стипендию и оплачивать общежитие, если у родителей нет возможности оказать существенную поддержку. Сироты могут оказаться даже в лучшей ситуации, чем их соседи по общежитию. Наши респонденты – студенты в 1999 году получали от 500 до 800 рублей, что превышало стипендию. Кроме этого, дают деньги на одежду и талоны на питание.

Александр (студент Курского ветеринарного института): "Вот я здесь в общежитии живу, так все ко мне бегут: родители ничего не дают, денег не дают. Когда их не кормят, они бегут ко мне, как будто меня мама кормит".

Мы совершенно не можем говорить о процентном соотношении в среде детей, воспитывающихся родителями и государством, среди всех категорий учащихся-студентов. Но можем сказать, что третьего варианта "хотел, но не разрешили" не должно быть.

Проблема детей-сирот не только в том, чтобы перешагнуть из школы в следующее учебное заведение, важно адаптироваться в новом коллективе. Проблемы адаптации молодых людей к самостоятельной жизни встречаются также среди всех категорий студентов. У сирот неадаптивность чаще всего связана с неумением влиться в коллектив, кардинально отличный от прежнего: "У меня был одноклассник – отличник. Поступил в техникум авиационный и год не выдержал, ушёл в училище. Он сказал, что не выдержал адаптации, был единственным сиротой и не смог привыкнуть к новой обстановке, ушел к своим одноклассникам. Чтобы не было такого после интерната, надо растить человека не как сироту, а как нормального человека, который государству спасибо скажет".

Не каждый выпускник в 14-18 лет может почувствовать себя самостоятельным и поверить в свои силы. Боязнь новизны, неизвестной жизни приводит к тому, что некоторые ребята стараются сохранить интернатский круг общения. Бывает так, что все равно куда идти, лишь бы оставаться рядом с одноклассниками. Чувство индивидуализма в этот период и в этом контексте отсутствует у большинства подростков. Иногда это чувство сочетается с недостатком информации об учебных заведениях, нехваткой крепких знаний. В юном возрасте трудно принимать самостоятельно важные решения. Нет рядом родителей, родных или близких людей. Поэтому в однокласснике ребята видят родственную душу, замену семьи, в которой хотят остаться.

Олег: "У нас не было выбора, не было информации. Мы с некоторыми ребятами лет 6-8 прожили, и было как-то не реально разлучаться. Давай, здесь останемся. Такое ребячество было. Пацаны здесь рядом. Зачем куда-то. Там вообще зачём. То есть было понятие: держаться вместе. Под этим предлогом было легче выжить".

С одной стороны, Олег говорит о дружбе, но с другой стороны, жизненный опыт ему уже показал, что везде "щемят" и одному оставаться в обществе с волчьими законами небезопасно. К этому его подготовили в интернате. Выпускникам кажется, что лучше сохранить свою референтную группу, нежели чем пытаться встроиться в новый социум. Через некоторое время ребята, как правило, осваиваются и даже пытаются вырваться из привычного круга, изменить жизнь.

Сироты в возрасте 30 лет и моложе очень часто говорили о том, что ошиблись с выбором профессии, и о том, что интернат – не семья, а воспитатели – не родители и никто о твоём образовании заботиться не будет. Да и сами они совершили много ошибок, о своём будущем не думали. С окончанием школы одним совершенно все равно, куда идти дальше. Для других же трагедией оборачиваются пробелы в образовании или отсутствие выбора профессии.

За последние годы ситуация изменилась в учебных заведениях и на производствах. Многие предприятия, на которые недавно приглашали выпуск за выпуском ребят из интернатов, простаивают. С такой ситуацией мы столкнулись в Казани: льнокомбинат и обувная фабрика. Рабочие этих производств работают неполную трудовую неделю или находятся в вынужденных отпусках.

Марина, 26 лет, находится в неоплачиваемом отпуске не первый месяц, ждёт, когда вызовут на работу: "Ну, мечтали, уж. На кого учиться пойдём. Я хотела на художника-оформителя. Не получилось. Даже не пыталась. Ну, как, нас распределяли сами. На ткачиху я в Волгоградской области я училась, потом я сюда переехала. Здесь сотрудница Фонда меня устроила на работу. С жильём была трудность, только из-за жилья, конечно. На повара бы пошла, если бы жильё было бы. Во, сейчас там работаю. Живу в общежитии.

Ой, конечно, я буду менять работу, специальность. Если другая подвернётся. На повара, уж. Если получится, конечно. Но, конечно, если бы деньги давали вовремя. Я бы не отказалась бы сейчас на кого-нибудь закончить: или на парикмахера, вот, на швею, вот. Для себя, хотя бы. Сейчас можно и знакомым и соседям стрижки делать. Все равно, уж. Как никак, будут платить. Хоть немного, все равно будут".

Марина не единственная, кто находится в подобной ситуации. Их профессии сегодня невостребованные. Девочки с радостью бы переучились, но этого себе позволить не могут, нет денег оплатить обучение на курсах.

Но следует отметить, что есть такие молодые люди, которые обратились к предприятиям оплатить учёбу в техникуме, хотя имеют льготы, по которым могут учиться бесплатно. Но о льготах первый раз услышали во время интервью. Для учебных заведений сирота — нежелательный абитуриент и студент. Это касается не только университетов, но и ПТУ. Например, Наталья из Москвы обзванивала училища, узнавала, можно ли её сестре поступать учиться на повара. Сначала говорили, что можно, но как узнавали, что сестра сирота, сразу отвечали, что мест уже нет. Взяли только после того, как вмешались руководители системы образования.

Сегодня в каждом регионе есть хотя бы одно-два профессионально-технических училища, которые готовы принимать сирот, именно эти училища и проводят профориентационную работу. Также учащихся старших классов водят на экскурсии на различные предприятия, которые могут стать потенциальным местом работы. Конечно, может идти разговор о техникуме или университете. В ходе исследования мы встречались с рядом случаев, когда к ребятам, которые неплохо учатся, в педагогическом коллективе школы складывается особое отношение, и их начинают ориентировать на серьёзную учёбу. Однако простого доброжелательства в этом деле недостаточно.

Директор Фонда С.Н. Лихачёв, Казань: "В основном выпускники школ-интернатов идут и продолжают обучение в ПТУ. Институтом здесь и не пахнет. У нас редко кто в институт попадает. Это такая аксиома. Очень мало знаний. В 1998 году один интернат попросил нас посодействовать двум мальчикам, помочь им устроиться на курсы в медицинский университет. Но оказалось, что в интернате не было химии в течение долгого

времени. Разве можно на этих курсах целую школьную программу пройти по химии? А химия – профилирующий предмет. Конечно, мальчики не поступили".

Такая ситуация была бы просто невозможна в обычной школе, по крайней мере, городской школе, тем более для детей, которых родители ориентируют на поступление в медицинский университет.

Были и такие школы-интернаты, которые соответствовали характеристике эксперта – "всё зависит от конкретной личности директора". Мы встречались с директорами, которые прикладывали большие усилия для того, чтобы их выпускник поступил в высшее учебное заведение.

Директор детского дома: "Поступают наши дети в вузы, в сельскохозяйственный институт, в педагогический. Это последний год. В основном наши ребята идут в училище. Злата окончила курсы менеджера в политехническом, а затем она решила дальше идти на экономиста. Но сейчас экономическое образование настолько дорого. Злата училась хорошо. Но там такие деньги, такой конкурс. Мы недоценили. Её просто завалили, чтобы забот было меньше. По закону наши дети имеют льготы, формально. Потому, что все делают всё, чтобы от них избавиться. Зачем институту социальные заботы, он всё равно дотацию от государства не получает на эту категорию. И поэтому даже если принимает детей, то на условиях домашних, чтобы не решать проблемы с общежитием.

Я думаю, что если бывают осечки, то это наша вина. Родители для своего ребёнка землю выроют. Хотя, формально, я у ректора был и у декана был и вроде всё... Но в случае со Златой я себя виню. Надо было проявить больше настойчивости".

Несмотря на то, что в соответствии с льготами, закреплёнными в законодательстве, достаточно сдать экзамены на минимальные положительные оценки – "удовлетворительно", поступить в высшие учебные заведения, особенно на престижные специальности, практически невозможно. Руководители университетов не всегда готовы идти на встречу сиротам и брать на себя проблемы заботы о "государственных" детях. У выпускников школ-интернатов есть льготы, но нет блага, им никто не найдёт репетитора, за них никто не даст взятку. Но самое главное, что большинство молодых людей просто не доходят до этапа использования льгот, потому что имеют слабые знания. Об этом говорят и преподаватели вузов.

Тем не менее в Курске мы встретились с интересными примерами (удачным стечением обстоятельств), доказывающими, что в некоторых регионах кропотливая работа директора и желание деканов помочь молодым людям, выпускникам школы-интерната приводят к положительным результатам. Проректор одного из вузов дал распоряжение аспирантам заниматься с парнем из школы-интерната и подготовить его к вступительным экзаменами. Сейчас парень учится и неплохо, считает поступление в университет значимым событием в жизни. Из этого интерната достаточно много ребят поступают в университеты, над чем директор много работает и очень гордится результатами.

Миграционные процессы среди выпускников-сирот всегда более или менее отслеживались государством, потому что если государство теряло бдительность или допускало ошибки, результаты обязательно проявлялись на некоторых территориях.

В годы советской власти подобные проблемы решались в русле молодёжных, трудовых и миграционных проблем. В биографиях сирот мы нашли подтверждение тому, что они эшелонами ехали на комсомольские стройки, работали на производствах вместе с лимитчиками.

В 90-е годы особая проблема возникла с выпускниками вспомогательных школ-интернатов: "Особое сопротивление со стороны Глав администрации вызывает обратный приём в районы (города) выпускников вспомогательных школ-интернатов. В связи с этим возникает очередная проблема. В ряде районов республики, где находятся вспомогательные школы-интернаты, демографическая ситуация такова, что с каждым годом увеличивается процентный состав жителей с отклонениями в умственном развитии, так как многие выпускники остаются жить по месту выпуска из школы-интерната" [88, с. 79]. Это достаточно откровенное и тревожное признание. Сегодня существуют рекомендации отправлять детей в те регионы, откуда они прибыли. Практика показывает, что и это не лучший путь решения проблемы. Но проблема уже настолько глубока, что необходима специальная миграционная политика в отношении сирот, начиная с распределения в детское учреждение, на учёбу, затем на работу и предоставление жилья. Необходимо, также открывать новые производства и создавать новые рабочие места. У государства есть реальный шанс вырастить и подготовить специалистов различного профиля с высокими ценностными установками к труду. Безусловно, к оплачиваемому труду. В период безработицы эта проблема кажется совершенно неразрешимой, но, с другой стороны, в Россию приезжает масса работников из ближнего зарубежья, которые заменяют наших граждан не только на "грязных" работах, но и там, где требуется высокая квалификация.

5.8. Трудоустройство и работа

Трудоустройство, работа, как правило, становятся прямым следствием образования, даже в том случае, когда молодые люди не работают по специальности.

За судьбу каждого выпускника несёт ответственность директор детского учреждения. Обязательно надо устроить всех подростков, сначала в учебное заведение, затем на работу. Если выпускник удовлетворён местом работы, он остаётся и работает, если нет, то начинаются поиски, иногда мытарства.

Ещё несколько лет назад, когда была нехватка рабочих рук, у специалистов, молодых и со стажем, был выбор. Предприятия готовы были распахнуть перед ними двери цехов и предоставить место в общежитии.

Галина, 50 лет, Казань: "Я закончила Курскую школу-интернат (девочек отправили в Подмоскowie учиться на прядильщицу). Модно это было. После окончания школы нас отпустили домой, у кого он был. У кого нет, в интернате остались. Потом в середине июня мы должны были вернуться и пойти на производство. Но нас перехватила Казань, и мы пошли на казанский льнокомбинат, человек 25, девчонки. Я обрадовалась, что рядом дом, деревня, Лаишевский район".

Очень важно, что респондентка говорит о том, что раньше модно было получать такую профессию. Если модно, значит, престижно и тем более не стыдно. То, что Галине пришлось путешествовать, учиться в одном месте, затем вернуться работать в Казань, добавило романтики в её жизнь: и мир посмотрела, и домой вернулась. Домой тянуло, потому что есть родственники, с которыми хорошие отношения.

Галина: "... я думала, что я буду стараться работать. Им хорошо будет и мне. Ну, потому, что одеваться надо и всё. И потом меня все мастера полюбили. Так я с первого года. Вот у нас многие девчонки ушли потому, что не нравилась им работа. А я что-то не знаю, полюбила свою профессию. Мне просто понравилось. Раньше денег не было, а одеться хотелось. И они довольны и самой хорошо, то, что работаешь и получаешь деньги и одеваешься.

Потом лучше свою рабочую профессию освоила. Была в почёте. Много лет была в почёте, передовиком. После 8 класса я приехала и до сих пор, 30-й год, я там работаю".

Галине повезло, она получила специальность по призванию, в отличие от тех девушек, которые уволились с комбината. Галина была настроена на честный заработок, для неё важно было стать ударницей труда. Самой молодой респондентке – сироте (Альбине), которая работает на том же комбинате, что и Галина, 23 года. Из Татарстана она поехала учиться во Владимирскую область. Когда Галина оканчивала училище, за выпускников боролись производства ("нас перехватила Казань"). В 93-м году Альбину выпускнику пришлось работу искать через биржу труда. В 17 лет Альбина с подругами из ПТУ пошла на биржу, не работая ни дня. Сегодня комбинат простаивает и не принимает новых профильных выпускников.

Подобные изменения во времени в сфере трудоустройства можно описать на примере многих специальностей и предприятий. Пожалуй, востребованными по-прежнему, уже на протяжении ряда лет, остаются строительные специальности, где сироты не всегда могут выдержать конкуренцию с наёмными рабочими из-за рубежа. Иностранному рабочему отдают предпочтение либо за их высокую квалификацию, либо за согласие на низкую оплату труда.

С проблемой неадекватной оплаты сталкиваются различного рода нелегалы и бесправные люди. Так вот, как раз в сиротах и видят иной раз тех бесправных, которым можно недоплатить. Поэтому некоторые молодые люди встретились с обманом в первые годы своей работы. Достаточно часто в интервью речь шла о том, что работали респонденты в соответствии с нормой, выполняли её на уровне одного разряда, а платили им и документы оформляли по более низкому разряду.

Ирина: "Нравилась работа. Ну, нам, знаете, работаешь там, а разряд другой, получаешь по другому разряду, а работаем на 4-м, на 5-м, на 6-м разряде, я не знаю, зачем так. Вот я ушла, я ушла где-то, наверно, работала на 4-м разряде, они написали 2-й разряд. Что хотят, то делают, намухлевали мне там. Я серьезно, я прям чуть не упала, у всех так. Швея-мотористка 3-4-й разряд, пишут 1-2-й разряд".

Те молодые люди, которые не получили специальность по интересу, не смогли найти работу, находятся в поиске, остались без средств, ближе других стоят к порогу правонарушений, преступлений и готовы сорваться в любой момент.

Андрей, 26 лет (Казань): "Я в процессе всей жизни это понимаю. Просто ты нужен для какой-то тяжелой работы дешевой, чтобы делать. С нас нечего иметь и мы выросли не в норме, а в каком-то хаотичном положении: и туда рванем, и туда, и можем преступление совершить. Вот они за счет этого цепляются и нам ничего не создают. А вот кто приезжает даже простой какой-то простофиля – ему и землю дают, и деньги дают, и все дают. Потому что знают, что с него можно потом иметь. А с нас нечего иметь. И получается – мы как дешевая рабочая сила. То есть заранее уже продумали тщательно и в этом положении уже развивали нас".

Андрей как эксперт делает заключение обо всей государственной политике в отношении детей-сирот, которых, по его мнению, растят для самой низкооплачиваемой работы, для той работы, на которую никто не согласится. Но и за эту работу сегодня надо держаться, если не выбрал для себя путь криминала.

Эксперты отмечали, что для сирот необходимы льготы не только при поступлении в учебные заведения, но и при трудоустройстве. Необходимы отдельные квоты для сирот и поощрения для предприятий, которые принимают к себе на работу выпускников школ-интернатов.

Но у предприятий, так же как и у учебных заведений, всегда найдутся пути обойти любые законы.

Андрей Владимирович Бабушкин, Председатель правления Комитета за гражданские права, Москва: "... руководитель скажет, да ребята, у нас для Вас определена квота, есть место, пожалуйста, устраивайтесь, вот заработная плата 120 рублей. Ясно, что сироты на это не пойдут. Все эти квоты чисто формальный институт, который не может быть реализован в силу отсутствия достаточно точных критериев, то есть если говорить о квоте, то на коммерческие предприятия ребенок-сирота попасть не сможет, не имея личных контактов, связей. Коммерческие организации могут предоставлять фиктивные сведения о маленькой заработной плате на их предприятии".

Те немногие неправительственные организации, которые сегодня начали работать и готовы помочь сиротам, в том числе и с трудоустройством, исполняют роль формальных и неформальных каналов трудоустройства: знакомства, рекомендации, биржи труда.

Левин Сергей Андреевич, Председатель центра постинтернатной адаптации воспитанников детских домов: "Когда мы говорим о трудоустройстве, то речь идёт не о том, чтобы найти место работы. В принципе у нас нет таких специальных мест, куда мы ребят устраиваем. Мы идём в те учреждения, которые им подходят (как нам кажется в данной ситуации). Или если человек, который сам хочет быть в этой сфере, или психолог определяет его персональные качества, которые дадут ему реализоваться в этой сфере. У нас есть несколько человек, которые умеют разговаривать с людьми производства. Мы устраиваем в частные фирмы и в государственные учреждения. И пытаемся устраивать туда, где обучают. Но смысл не в этом. Всегда можно найти слова и уговорить принять человека на работу. Дело в собственном состоянии ребят, в их умении работать. В понимании того, что труд есть средство себя обеспечить. Прожив всю жизнь в условиях государственного обеспечения, человек уже в таком возрасте, когда он в эту самостоятельную жизнь входит, он этого не ощущает.

Сначала мы переживали, что приходится устраивать на работу один, другой, третий раз. Вот нас подвели и один и третий раз. А потом мы успокоились и поняли, что это наша судьба. Это и есть работа. Даже если не получалось на работе через некоторое время у человека, мы старались из этой ситуации выжать максимум. Чтобы человек, даже проваливаясь, набирал некоторый опыт, чтобы появлялись крупицы каких-то новых качеств. Чтобы он формировался как личность. Перестали переживать по поводу многократного устройства на работу и попытки поиска вариантов, с одной стороны. А с другой – формирование новых качеств в человеке".

Алексей Иванович Головань, директор Центра "Соучастие в судьбе" говорит о том, что проблема трудоустройства связана с тем, что выпускники не имеют устойчивого стремления к работе. Допустим, могут опоздать или не прийти на работу, если что-то не понравилось. У них часто не адекватная оценка по отношению к себе. Не имея специальности, профессии, но иметь какую-то простенькую работу с гарантированным заработком, они не согласны. Они считают, что способны получать больше.

А.И. Головань: "Тем более, они знают, какая в Москве зарплата, они рассчитывают на серьёзные деньги, не имея для этого какой-то серьёзной базы. Тем не менее они могут попасть в коммерческий киоск. И попасть в киоск для них часто бывает пределом мечтаний. Но эта работа совершенно бесправная, часто построена на криминале, воровстве. Владельцы этих точек часто меняют ребят и не только сирот. Поэтому такую работу можно рассматривать как временную, а не как постоянную. Обращаются к нам такие, которые хотят поступить куда-то учиться, хотя таких не так много. Приходится договариваться".

Организации, подобные тем, о которых шла речь, выполняют большую и сложную работу, и всё-таки в масштабах страны количество трудоустроенных ребят несоизмеримо мало с теми, кто ещё нуждается в помощи.

Респонденты, которым оказали помощь неправительственные организации, конкретные сотрудники, именно их указывают в устных историях, как значимых людей. Значимые люди вмешались в судьбу респондента, помогли её изменить в лучшую сторону, в некоторых случаях кардинальным образом. Как правило, сотрудники общественных организаций, взявшись за решение одной проблемы, решают несколько. Например, трудоустраивая, решают проблему с обеспечением жилья. Отстаивая права на жильё, решают проблему с пропиской, трудоустройством, получением пособий на детей и многое другое.

Трудовой коллектив, в котором предстоит работать, имеет большое значение для одиноких людей. Выпускник привык не просто работать, а жить в коллективе, поэтому первое время в трудовой среде может искать замену своим сверстникам. Очень важно, в какой коллектив попадает молодой человек, просят ли его "обмыть" первую получку, есть ли традиции в коллективе выпивать постоянно. Или, наоборот, о молодом человеке начинают заботиться, опекать по-отечески.

Сергей, 30 лет: "Не было интереса, поэтому большинство по специальности в дальнейшем не работали. Хотя сироты из моего интерната, практически все на сварщика кончали, и все работают сварщиками. Это при условии, что пока учишься, тебе работа нравится, а потом если попадаешь в хороший коллектив. Но если он попал в плохой коллектив, то больше по этой специальности уже работать не будет. Он старается переобучиться".

У каждого нашего респондента на протяжении жизни обязательно было несколько значимых людей, которые помогали в корне изменить жизнь или очень сильно на жизнь повлияли. Такие люди были и в среде воспитателей, и в среде опекунов, и на рабочем месте. Очень часто выпускники начинают работать без копейки в кармане и не знают, как дожить до первой зарплаты, до аванса, занять деньги не у кого.

Римма Фёдоровна, Алтайский край, 52 года: "Это было в Коробейниково. Тогда затирочные машины были и сопло. Было такое, в обед ушли и не вернулись некоторые из нас на работу. Дай Бог, если живой вот там человек. Как он нам принёс мёду. И помидор. Я бы и сейчас перед ним на колени встала. Прораб. Это давно было. Я бы этому человеку бы памятник поставила. Он нас накормил. И сказал, что можно выписать внеплановый аванс. И утром выписал нам аванс. И мы с этим авансом уже прожили".

Римма помнит человека, который просто накормил, видимо, кусок хлеба в тот момент был самым важным, решающим, судьбоносным. Те, кто не вернулись после обеденного перерыва, ушли в неизвестном направлении, может быть, нашли лучшую долю, может быть, пошли воровать, а у Риммы трудовая биография сложилась, как она считает, нормально.

Ильгиз, Казань, 28 лет: "Я пришел работать на фабрику в 9-й цех. Ну, а приняли нормально в коллектив, сразу скажу, нас уважали. Ну, как уж, без матери, без отца. Нас поддерживали. Первое время нас кормили, кушать приносил кто мог, кто мог — деньгами помогали, потому что не сразу мы зарплату получили". Ильгиз попал на фабрику, где знали, что за контингент прибыл, знали проблемы сирот и знали, что надо поддержать материально. Но материальные проблемы далеко не единственные у сироты, и возможно, психологические гораздо сложнее: вписаться в коллектив, разобраться кто друг.

Сергей, Казань, 30 лет: "Я когда пришёл в строительную организацию, у нас была хорошая женщина в отделе кадров, которая за всеми следила. Пришли из училища сироты, она тоже помогала, говорила по душам. Мне очень помогла. Показывала. В бригаде за мной следила. Потому что строительная бригада это такая организация особая. Не пьешь — значит белая ворона. Она говорила, что мне нельзя пить, поддерживала меня, я не скатился вниз".

Встреча хотя бы с одним таким человеком и его поддержка иногда помогают встать на верный путь и уже никогда с него не сойти. Иногда бывает достаточно одной значимой личности в судьбе сироты, чтобы выжить.

Иногда всю жизнь сироты можно рассматривать как **выживание**. Можно сказать, что в судьбе сирот присутствует всё то же, что и в жизни любого человека: учёба, работа, кто-то стал безработным, кому-то четыре месяца зарплату не платят. Нуждающийся человек, как правило, обращается к родственникам, друзьям. Сироты поддерживают друг друга в трудные минуты. Но бывает так, что учатся вместе. Потом вместе работают и вместе не получают зарплату. Если у сирот есть отзывчивые и обеспеченные родственники, тогда, конечно, легче. Например, когда Олег устроился на работу, то до первой полочки ходил каждый день питаться к жене умершего дяди.

Марина во время неоплачиваемого отпуска ездит в деревню к отцу: "Отец убил мать топором и сел в тюрьму. Освободился из тюрьмы, переехал к женщине, с кем раньше жил, до моей матери. Он хорошо принимает. И эта женщина, ничего, хорошо. Когда приезжаешь, всё с собой даёт: продукты, деньги. Не отказывают". Сложнее Марининым подругам, которые работают с ней вместе и вместе живут в общежитии, у них нет родственников, им не к кому обратиться за помощью, если находят возможность подрабатывать, — подрабатывают. Некоторые не замечают, как подработки из временного явления становятся основным средством для выживания. Одни работают за деньги, а другие, хотя бы за еду.

В начале 90-х годов, бюро по труду и занятости начали решать проблему переобучения массово высвобождающихся специалистов всех уровней, первых безработных. Самостоятельно смогли решить проблему переобучения, повышения квалификации те граждане и в том числе сироты, которые имели материальную базу, некоторые сбережения, а также стремление вырваться из круга обстоятельств — сильный характер.

Вместе с потерей работы сироты массово теряли квалификацию, прописку и жильё в общежитии. В этот период многие устраивались на работу без оформления трудовых книжек и социальных гарантий. В течение лет перестройки для многих сирот было мечтой наняться на работу к частным предпринимателям. Наши респонденты, работающие на крупных производствах, рассказали, что большинство выпускников школ-интернатов пережили со своим предприятием трудные дни и до сих пор сохраняют верность своему первому рабочему месту, несмотря на простои и задержку заработной платы. Сироты, которые живут в деревне и остаются без работы, попадают в более сложную ситуацию, чем городские.

Юра, 24 года, по обманному обмену попал жить в неперспективную деревню: "Летом ещё так в среднем, дачники приезжают. Где-то подработать у кого-то можно было. Я за еду подрабатывал. Не то, что за деньги, поработал, пообедал и то хорошо. Работал в основном на огородах, копал, косил. Все тяжёлые работы. Зимой я сидел дома с утра до вечера. Я даже гулять не выходил. В основном книжки читал и телевизор смотрел".

Одна из наиболее сложных проблем — жилищная, на ней "завязаны" практически все вопросы жизнедеятельности человека (обучение, трудоустройство, создание семьи, просто выживание), поэтому "узел" проблем сироты мы решили рассмотреть отдельно, сквозь призму жилищной проблемы.